

INSPIRIA

Миссис
Марс

ВИРДЖИНИЯ ФЕЙТО

INSPIRIA

Novel. Скелеты в шкафу

Вирджиния Фейто

Миссис Марч

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(460)

ББК 84(4Исп)-44

Фейто В.

Миссис Марч / В. Фейто — «Эксмо», 2021 — (Novel. Скелеты в шкафу)

ISBN 978-5-04-175646-8

ВЫБОР РЕДАКЦИЙ USA TODAY И OPRAH DAILY. СКОРО ЭКРАНИЗАЦИЯ С ЭЛИЗАБЕТ МОСС В ГЛАВНОЙ РОЛИ. Последний роман Джорджа Марча – настоящий бриллиант в мире литературы. Кому как не жене писателя гордиться талантливым супругом? Миссис Марч купается в лучах его славы, принимает комплименты и устраивает вечеринки. Но однажды утром все меняется. Знакомая продавщица в ее любимой кондитерской подмечает, что главная героиня последнего романа Джорджа списана не с кого иного, как с жены писателя. «Но... разве она не... шлюха?» Внезапно бедная миссис Марч лишается уверенности, что вообще знает своего мужа и... себя. Позже, случайно обнаружив в кабинете Джорджа газетную вырезку о пропавшей молодой девушке, она начинает подозревать его еще и в убийстве. Отныне все перестает быть тем, чем кажется. В поисках правды миссис Марч отправляется в мучительное путешествие по темным уголкам своего разума, близкое к психозу. Начавшееся со страниц злополучного романа, оно может привести ее как к убийце, так и к давно похороненным тайнам прошлого. И прежде всего ей предстоит выяснить: кто такая миссис Марч?.. Поразительно психологичный роман, в котором идеально-блестящий мир Нью-Йорка превращается в шапито паранойи и мрачных видений. Во время прочтения вы, как и главная героиня, начнете сомневаться даже в собственном отражении в зеркале. «Я прочитала роман Вирджинии Фейто за один присест и была настолько захвачена им, что поняла: я должна это сделать. Я должна сыграть миссис Марч. Как персонаж, она увлекательна, сложна и глубоко человечна, и я не могу дождаться начала съемок!» – Элизабет Мосс «Элегантный, отлично исполненный дебют, который поражает своей правдоподобностью». – Publishers Weekly «Последние страницы романа – настоящий шок! Настолько, что у читателя сразу возникает желание вернуться к началу и понять, как автору удалось так

блестяще выполнить задуманное!» – The New York Times «Полеты фантазии миссис Марч, которые переходят в эпизоды психоза и воспоминания о детстве – вот что поистине жутко. Даже читатели начнут сомневаться, где реальность, а где – выдумка». – Library Journal «Фейто как будто запирает читателя внутри разума этой женщины, внутри разрушающейся психики миссис Марч – посредством мучительно точной передачи ее галлюцинаций. Автор мастерски оркеструет всеми ужасами и срывами героини. Этот готический роман блестяще раскрывает чудовищные последствия пренебрежения и жестокости». – Booklist

УДК 821.111-312.4(460)

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-175646-8

© Фейто В., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава I	7
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	25
Глава VII	29
Глава VIII	33
Глава IX	37
Глава X	42
Глава XI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вирджиния Фейто Миссис Марч

Virginia Feito
Mrs March

© Virginia Feito, 2021

© Жукова М. В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается моим родителям, мистеру и миссис Фейто

*Сплетники заговорили тише,
Хотят, чтобы слухи стали достоверными.
Дилан Томас. «Сплетники»*

Глава I

Джордж Марч написал еще одну книгу.

Это был большой том, на обложке – картина маслом кого-то из средневековых голландских художников с изображением молодой служанки, которая робко прикасается рукой к собственноручно шее. Миссис Марч прошла мимо весьма внушительной пирамиды книг мужа в твердой обложке, выставленной в витрине одного из книжных магазинов поблизости от их дома. Скоро эту книгу назовут *magnum opus*¹ Джорджа Марча, и она – о чем миссис Марч было неизвестно – уже пробиравлась во все рейтинги лучших книг и произведений, рекомендуемых книжными клубами, продавалась даже в менее посещаемых книжных магазинах, вдохновляла людей с энтузиазмом ее рекомендовать друзьям. Фраза «Вы читали новую книгу Джорджа Марча?» в последнее время использовалась для того, чтобы завязать разговор на коктейльных вечеринках.

Миссис Марч направлялась в свою любимую кондитерскую – очень миленькое заведение с красным навесом и покрашенной белой краской скамейкой перед ним. День был прохладным, но вполне терпимым, и миссис Марч не торопилась, восхищаясь видом теперь голых деревьев, стоявших вдоль улиц, бархатистыми пуансеттиями, украшавшими магазинные витрины, наблюдала за жизнью людей сквозь окна городских домов.

Дойдя до кондитерской, она взглянула на свое отражение в стеклянной двери перед тем, как толкнуть ее и войти. Звончок, сопровождавший открывание двери, возвестил о ее появлении. На нее сразу же дыхнуло – не только жаром от печей и плит в кухне, но и горячим дыханием, и теплом, исходившим от тел многочисленных посетителей. К прилавку тянулась длинная очередь, змеей петлявшая вокруг нескольких столиков, неровно расставленных по залу. За ними сидели парочки или оживленно что-то обсуждающие бизнесмены, все пили кофе или завтракали и громко разговаривали, не обращая внимания на других.

У миссис Марч участился пульс из-за предательского возбуждения и настороженности, которые она всегда чувствовала прямо перед тем, как приходилось взаимодействовать с другими людьми. Она встала в очередь, улыбаясь незнакомым людям вокруг, и сняла лайковые перчатки – рождественский подарок от Джорджа, который она получила два года назад. Они были очень необычного для перчаток цвета – мятно-зеленого и бросались в глаза. Она сама никогда не выбрала бы этот цвет, не осмелилась бы, посчитав, что не сможет их носить. Но ее приводила в возбуждение мысль о том, что незнакомые люди, видя эти перчатки у нее на руках, предполагают, что она – беззаботная, уверенная в себе женщина, способная сама выбрать для себя такой цвет.

Джордж купил эти перчатки в «Блумингдейлс», и это до сих пор не переставало ее удивлять. Она представляла Джорджа у прилавка с перчатками, когда тот добродушно подшучивает над обслуживающими его продавщицами, они ему льстят, а он совершенно не смущается оттого, что делает покупки в женском отделе. Один раз она сама попыталась купить нижнее белье в «Блумингдейлс». Тот летний день был невероятно жарким, блузка прилипла к спине, а сандалии к тротуару. Казалось, что вспотели даже дороги!

В середине рабочего дня «Блумингдейлс» в основном посещали обеспеченные домохозяйки. Эти женщины приближались к вешалкам с одеждой вяло и неторопливо, слегка хмурились, на пастельно-розовых губах появлялись недовольные улыбки – словно на самом деле они не хотели никуда идти, не хотели находиться здесь, но... Ох, этого просто не избежать, ничего не поделаешь, ну что ж, придется что-то померить, может, и купить несколько вещей. Они

¹ *Magnum opus* – великая, лучшая, наиболее успешная работа ученого, писателя, художника (лат.). – Здесь и далее примечания переводчика.

создавали особую ауру, которая пугала миссис Марч гораздо больше, чем та, что проникала в универмаг по вечерам, когда работающие женщины бросались к стойкам и вешалкам, делая это совсем непривлекательно и, казалось, забыв о чувстве собственного достоинства. Они быстро перебирали висевшую на вешалках одежду, и им было плевать, если какие-то вещи падали на пол. Они не удосуживались их поднять.

В то утро в «Блумингдейлс» миссис Марч проводили в большую примерочную, оформленную в розовых тонах. В углу стояла массивная обтянутая бархатом кушетка, рядом с ней – внутренний телефон, по которому можно было вызвать продавщиц. Миссис Марч представила, как они хихикают и перешептываются прямо за дверью. Все в этой примерочной, включая ковер, было сочного розового цвета и напоминало липкую жвачку, которую надувает пузырем пятнадцатилетняя девчонка. Бюстгальтер, который для миссис Марч выбрали продавщицы, вызывающе покачивался на обтянутой шелком вешалке, висевшей на двери примерочной. Он был мягким, легким, и от него приятно пахло, как от взбитых сливок. Она прижала кружевную вещь к лицу и понюхала, потом робко коснулась блузки, но не смогла заставить себя раздеться и примерить этот изящный бюстгальтер.

В конце концов она купила белье в небольшом магазинчике в деловой части города; его владелицей оказалась прихрамывающая женщина с многочисленными родинками, которая правильно определила размер бюстгальтера миссис Марч, только один раз взглянув на нее в одежде. Миссис Марч очень понравилось обслуживание – как хозяйка магазина обхаживала ее, делала комплименты ее фигуре, а что еще лучше, ругала фигуры других клиенток, периодически разочарованно восклицая «Ой-вей!»². Женщины в этом магазинчике смотрели на дорогую одежду миссис Марч с буквально осязаемым желанием. Больше в «Блумингдейлс» она не возвращалась никогда.

Теперь, стоя в очереди в кондитерской, она посмотрела на перчатки, которые держала в руках, потом на свои ногти и огорчилась из-за того, что они такие сухие и потрескавшиеся. Она снова надела лайковые перчатки, потом подняла голову и обнаружила, что кто-то влез в очередь прямо перед ней. Она подумала, что женщина просто ошиблась, попыталась определить, не здороваются ли она с кем-то, уже стоящим в очереди, но нет, женщина молча стояла перед ней в очереди. Миссис Марч с беспокойством стала прикидывать, обратиться ли ей к женщине или нет. Влезать невежливо, если женщина на самом деле собиралась это сделать, но что, если она ошиблась? Поэтому миссис Марч ничего не сказала и вместо этого принялась жевать щеку изнутри (это была привычка, унаследованная от матери, от которой миссис Марч никак не могла отделаться) и жевала, пока женщина не расплатилась и не ушла и не подошла очередь миссис Марч.

Она улыбнулась стоявшей за прилавком Патриции – краснощекой женщине с большой копной волос, – которая заведовала кондитерской. Ей нравилась Патриция, ее она считала женщиной совершенно определенного типа – такими в романах бывают хозяйки гостиниц: полные, любящие крепкое словцо, но при этом добрые. Таких героинь можно встретить в романах у Диккенса – защищающих ораву бедных сирот.

– А, вот и самая элегантная женщина в зале! – воскликнула Патриция, когда миссис Марч оказалась напротив нее. Миссис Марч широко улыбнулась и повернулась, чтобы посмотреть, слышал ли кто-нибудь еще эти слова. – Как обычно, дорогая?

– Да, черный оливковый хлеб и... ну да, – кивнула она. – На этот раз я хочу еще взять две коробки пирожных макаронс. Большие.

Патриция начала суетиться за прилавком, собирая заказ, и перекинула пышные локоны с одного плеча на другое. Миссис Марч достала из кармана кошелек, все еще мечтательно

² «Ой-вей!» – фраза на идише, выражающая боль, недовольство, тревогу, раздражение.

улыбаясь после комплимента Патриции, и стала поглаживать кончиками пальцев небольшие бугорки на его поверхности, обтянутой страусиной кожей.

– Я сейчас читаю книгу вашего мужа, – сообщила Патриция, временно скрывшись из виду, потому что согнулась за прилавком. – Я купила ее два дня назад и уже почти закончила. Не оторваться! Великолепная книга! На самом деле великолепная.

Миссис Марч придвинулась поближе, прижалась к стеклянной витрине, где были выставлены разные маффины и чизкейки, чтобы лучше слышать – в кондитерской стоял гул.

– О, – произнесла она, потому что не была готова к этому разговору. – Очень рада это слышать. Я уверена, Джорджу будет приятно это узнать.

– Я только вчера вечером говорила сестре, что знакома с женой писателя. Как она, должно быть, гордится.

– О да, конечно, хотя он до этого написал уже много книг...

– Но ведь он впервые написал свою героиню с вас?

Миссис Марч, которая все еще теребила в руках кошелек, внезапно замерла на месте. Ее охватило оцепенение. Лицо застыло, а внутри нее, как ей показалось, все, наоборот, превратилось в жидкость, и она испугалась, что из нее сейчас вытекут внутренности. Патриция ничего этого не заметила, поставила заказ на прилавок и пробила чек.

– Я... – выдавила из себя миссис Марч, ощущая боль в груди, словно там образовалась рана. – Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду... главную героиню, – улыбнулась Патриция.

Миссис Марч моргнула, и у нее отвисла челюсть. Она была не в состоянии ответить, мысли будто прилипли к черепу, несмотря на то, что она тянула их, словно они завязли в смоле.

Патриция нахмурилась – ее смутило молчание миссис Марч.

– Я, конечно, могу ошибаться, но... Вы с ней так похожи, что я подумала... Ну, я представляю вас, когда читаю книгу. Я, право, не знаю...

– Но... главная героиня... Разве она не... – Миссис Марч склонилась к хозяйке кондитерской и почти шепотом произнесла: – Она же *проститутка*.

Патриция в ответ громко и добродушно рассмеялась.

– Проститутка, с которой никто не хочет спать? – добавила миссис Марч.

– Да, конечно, но в этом и заключается часть ее очарования. – Улыбка застыла на лице Патриции при виде выражения лица миссис Марч. – Но в любом случае дело-то не в этом, а в гораздо большем, – продолжала она. – В том, как она говорит, ее манерах, даже в том, как она одевается.

Миссис Марч опустила глаза вниз, на свою длинную шубу, на лодыжки в колготках и начищенные лоферы с кисточками, затем снова подняла их на Патрицию.

– Но она же ужасная женщина, – сказала миссис Марч. – Она уродливая, глупая, она такая, какой я никогда не хотела бы быть.

Эти слова прозвучали несколько более эмоционально, чем она намеревалась их произнести, и на тестообразном лице Патриции появилось удивление.

– О, ну тогда... я просто подумала... – Она нахмурилась, покачала головой, а миссис Марч испытала к ней чувство презрения за ее идиотское выражение лица, за то, что она недоумевает и озадачена. – Я уверена, что ошиблась. Не слушайте меня, в любом случае я почти никогда ничего не читаю. Откуда мне знать? – Она радостно улыбнулась, словно этими словами решила вопрос. – Что-то еще, дорогая?

Миссис Марч сглотнула, к горлу у нее подступила тошнота. Она посмотрела вниз, на прилавок, где лежали коричневые бумажные пакеты с ее оливковым хлебом, маффинами на завтрак и макаронс, которые она заказала для запланированного на завтрашний вечер мероприятия – со вкусом организованной вечеринки для близких друзей (или, по крайней мере, самых важных людей из их окружения), чтобы отпраздновать выход последней книги Джор-

джа. Она бочком отошла от прилавка, глядя на перчатки, которые сжимала в своих уродливых руках, и с удивлением поняла, что снова их сняла.

– Я... знаете, думаю, что я кое-что забыла, – произнесла миссис Марч, делая шаг назад.

Те громкие звуки на заднем фоне, которые раньше казались безопасными, теперь превратились в заговорщический шепот. Миссис Марч повернулась, чтобы определить виновников. Улыбающаяся женщина за одним из столов встретилась с ней взглядом.

– Простите. Я должна проверить...

Миссис Марч оставила пакеты на прилавке и стала пробираться к выходу сквозь петляющую очередь. Она проходила между людьми, а их тихие голоса звенели у нее в ушах, их дыхание, от которого пахло маслом, казалось горячим на ее коже, их тела почти прижимались к ее собственному. Она предприняла отчаянную попытку толкнуть дверь и выйти на тротуар. Там обжигающе холодный воздух ворвался ей в легкие, и у нее перехватило дыхание. Она схватилась за ближайшее дерево. Когда звоночек над дверью в кондитерскую снова звякнул у нее за спиной, миссис Марч поспешила на другую сторону улицы, не желая поворачиваться на тот случай, если у нее за спиной окажется Патриция. Она не хотела поворачиваться и в том случае, если это будет не она.

Глава II

Миссис Марч быстро шла по улице без какой-либо конкретной цели, не своим обычным маршрутом; в любом случае в этот день ничего обычного не было без ее оливкового хлеба и маффинов на завтрак, которые она покупала каждый день. Она предполагала, что макаронс можно заменить чем-то другим – до вечеринки еще оставалось время. Или она может послать за ними Марту позднее. Ведь, в конце-то концов, Патриция с Мартой никогда не встречались, хотя у Патриции могут возникнуть подозрения, если Марта закажет то же самое, что заказывала она сама.

– Не могу послать Марту, слишком опасно, – произнесла она вслух, а мужчина, который проходил рядом, слегка подпрыгнул.

Она нашла это странным – то, что больше никогда не увидит Патрицию. Патрицию, которая постоянно присутствовала в ее жизни на протяжении многих лет. Конечно, она и представить не могла сегодня утром, когда натягивала колготки, выбирала темно-бордовую юбку, которая подходила к блузке цвета слоновой кости с оборками, что увидит Патрицию в последний раз. Если бы кто-то сказал ей это, она засмеялась бы в ответ. В конце концов Патриция поймет, что это была их последняя встреча, может, даже в деталях вспомнит ее – что на ней было надето, что она делала и говорила, и тоже удивится. Все это казалось просто невозможным!

Может, на самом деле все и не было таким трагичным – то, что Патриция вела себя так легкомысленно и бездумно. Да, все получилось неудачно, но на самом деле Патриция ведь была единственным человеком, который провел какую-то параллель между нею и той женщиной. Той *героиней*, – поправила она сама себя. Она же даже не существует в реальности. Вполне возможно, что героиня *основана* на живом человеке... но Джордж никогда бы... А что, если?

Миссис Марч резко свернула на более оживленную улицу, по которой шло множество пешеходов и где гудели автомобильные клаксоны. С рекламного щита ей многозначительно улыбнулась женщина, приподняв брови точно так же, как и женщина в кондитерской. «Она и не догадывалась», – говорилось в рекламном объявлении. Миссис Марч остановилась так внезапно, что в нее врезался какой-то мужчина. После многочисленных извинений она решила, что ей нужно где-то посидеть, и отправилась в ближайшее заведение – убогое маленькое кафе.

Зал внутри был тускло освещен и совсем не казался уютным. Краска на потолке облезла в нескольких местах, на столах виднелись подтеки и идущие кругами полосы – их в спешке вытирали, водили тряпкой по поверхности. Ручка на двери в туалет оказалась поцарапана, словно кто-то пытался взломать дверь. Она насчитала всего двух посетителей не очень гламурного вида. Миссис Марч остановилась у входа, втянула голову в плечи в ожидании, когда ее проведут на место, хотя и знала, что в этом заведении так не делают. Она сняла с рук мятно-зеленые перчатки, оглядела их, недавние неприятные события пролетали в голове как вспышки. Слова Патриции. Книга Джорджа. *Она*.

Позорная правда заключалась в том, что миссис Марч книгу не читала. Толком не читала. Она едва ли смогла пролистать первый вариант в прошлом году. Те дни, когда она читала первые рукописи Джорджа, сидя с голыми ногами в плетеном кресле в его старой квартире и посаывая апельсиновые мармеладные дольки, давно ушли в прошлое. В своем сером, мрачном настоящем она плохо их помнила. Конечно, она имела общее представление о книге – знала, о чем она, знала про толстую, жалкую проститутку, но дальше не задумывалась. В эти минуты она пришла к выводу, что главная героиня и натуралистическое, неприятное, точное ее описание вызвали у нее отторжение, поэтому она и решила больше не читать.

– Манеры, – буркнула она себе под нос, потом снова осмотрела ногти. Она задумалась, является ли этот регулярный осмотр собственных рук одной из ее манер.

– Доброе утро, мэм. Вы одна?

Она посмотрела на официанта в черном переднике, который показался ей несколько мрачным для кафе.

– Я... Нет, не одна...

– Значит, столик на двоих?

– Ну, я не уверена, что человек, которого я жду, успеет подойти. Да, давайте на двоих. Вот этот?

Она показала на столик у стены, ближайший к туалету.

– Без проблем. Сразу будете заказывать или подождете?

Миссис Марч почти не сомневалась, что заметила на лице у официанта ухмылку разоблачающего обман человека.

– Я сделаю заказ за нас обеих, – объявила она.

– Хорошо, мэм.

Миссис Марч помнила, как ее впервые называли «мэм» или, точнее, «мадам» – она была не готова, это ошарашило и обидело ее, как пощечина. Она тогда не так давно отпраздновала тридцатилетие и отправилась в Париж вместе с Джорджем – в турне для продвижения его книг. В то утро она в одиночестве сидела в их номере, Джордж отправился подписывать книги. Она заказала себе роскошный завтрак: круассаны, блинчики с маслом и сахаром и горячий шоколад. Когда официант вкатил тележку, она встретила его в халате слишком большого размера, со все еще мокрыми после душа волосами и потекшим макияжем. Ее беспокоило, не выглядит ли она провоцирующе, слишком чувственной с немного распухшими губами после того, как терла их махровым полотенцем, чтобы избавиться от следов выпитого вчера вечером вина. Однако когда она поблагодарила официанта (долговязого молодого человека, которому едва ли исполнилось двадцать, с обгоревшей на солнце шеей) и вручила ему чаевые, он сказал: «Спасибо, мадам», и вышел из номера. Просто вышел. Он не посчитал ее ни в коей степени желанной. На самом деле он, вероятно, посчитал бы ее обнаженное тело отталкивающим, и даже хоть она и не годилась ему в матери, он, скорее всего, видел ее как женщину такого возраста.

Теперь официант в черном переднике маячил на небольшом расстоянии, с отсутствующим видом почесывая засохшую болячку у себя на запястье.

– Что вам принести, мэм?

Она заказала два кофе – эспрессо для себя и латте для своей воображаемой потенциальной подруги, – потом сделала глубокий вдох и вернулась к волновавшей ее теме. Она вспомнила, что главную героиню романа зовут Джоанна.

– Джоанна, – прошептала миссис Марч.

Раньше она особо не задумывалась над этим именем, не спрашивала, почему Джордж выбрал именно его для своей героини. Она не знала ни одну Джоанну, вообще никогда не была знакома ни с одной. Она задумалась, был ли Джордж. Она надеялась, что был, потому что это означало бы с почти полной определенностью, что эта жуткая карикатурная героиня написана с кого-то другого.

Миссис Марч медленно попивала кофе и вспоминала (жалея себя), как она поддерживала Джорджа в самом начале его карьеры, как слушала его, как кивала независимо от того, что он говорил, и не жаловалась. Хотя она знала, что писательский труд больших денег не дает. Джордж часто сообщал это извиняющимся тоном, как и ее отец (без особых извинений). В те дни Джордж обычно водил ее в свой любимый маленький дешевый итальянский ресторанчик, где официанты на одном дыхании по памяти могли выпалить меню – каждый вечер оно было новым, и все – свежайшим. Там они садились за столик, не покрытый скатертью, между ними потрескивала свеча, вставленная в винную бутылку, и Джордж рассказывал ей про свой последний роман, про новую идею, словно у него каждый вечер тоже появлялось новое меню. Она поражалась искреннему интересу этого уважаемого профессора, преподававшего в кол-

ледже, к ее мнению. Она не хотела это испортить или сглазить, поэтому улыбалась, кивала и льстила ему. Все для него, все для ее Джорджа.

Что могло привести к этому унижению? Теперь весь мир станет смотреть на нее по-другому. Джордж так хорошо ее знал, может, предположил, что она никогда не прочитает книгу. Рискованный маневр. Но нет, пришла она к выводу с презрительной усмешкой, он на самом деле плохо ее знает. Джоанна совсем не походила на нее. Теперь миссис Марч очень ярко ее представляла – сидящую рядом с ней в убогом маленьком кафе, вспотевшую, с почерневшими зубами, пятнами на груди, ведущую жалкую и несчастливую жизнь. Миссис Марч задумалась, не пойти ли ей по книжным магазинам – купить все экземпляры и каким-то образом их уничтожить, например, устроить большой костер одним холодным декабрьским вечером. Но это, конечно же, было безумием.

Она постукивала пальцами по столу, то и дело смотрела на часы, но ничего не видела; потом беспокойство так охватило ее, что стало просто невыносимым, и она решила вернуться домой и прочитать книгу. У Джорджа в кабинете лежало несколько экземпляров, и до вечера он домой не вернется.

Она расплатилась за кофе и извинилась за то, что ее подруга Джоанна так и не пришла. Остывший латте, на котором опала пена, остался стоять на столе. Официант в черном переднике просто не обратил на нее внимания, когда она уходила. Колготки сморщились у нее на лодыжках, напоминая нахмурившиеся брови, словно таким образом реагировали на холод.

По пути домой миссис Марч проходила магазин одежды, где две продавщицы раздевали в витрине манекен. Женщины с яростью дергали вещи, одна сняла шляпу и палантин, вторая стянула платье. Обнажилась одна блестящая грудь без соска. Манекен смотрел такими яркими голубыми глазами с черными ресницами, с таким болезненным и несчастным выражением лица, что миссис Марч была вынуждена отвернуться.

Глава III

Мистер и миссис Марч жили в довольно уютной квартире в Верхнем Ист-Сайде ³. Над входом в дом, на темно-зеленом навесе курсивом был написан адрес, причем каждое слово с большой буквы, как в названии книги или фильма – «Сорок Девятая Улица, Дом Десять».

В здании были маленькие окна, по виду напоминавшие коробки, и маленькие, также напоминавшие коробки кондиционеры. Сейчас в здании был дневной швейцар в форменной одежде. Он вежливо поприветствовал миссис Марч, когда она вошла в холл. «Вежливый, но относится с презрением», – подумала миссис Марч. Она всегда предполагала, что он ее презирает – и, скорее всего, и остальных жильцов. Как он может их не презирать, когда он тут для того, чтобы им прислуживать, подстраиваться под образ их жизни, в то время как они живут в роскоши, и никто даже не удосужился узнать что-то про *него*? Хотя, подумала она печально, может, другие и прилагали усилия, чтобы познакомиться с ним поближе. Может, его манера поведения с ней объяснялась как раз тем фактом, что она никогда не спрашивала его про него самого, за все эти годы она ни разу не обратила внимание, носит ли он обручальное кольцо, лежат ли у него на письменном столе рисунки его детей. Он явно считал ее недостойной и неподходящей для этого дома, в сравнении с другими проживавшими в нем женщинами – вышедшими на пенсию балеринами и бывшими моделями, среди которых были и наследницы крупных состояний.

Миссис Марч пересекла холл, уже, как обычно, украшенный к праздникам. Рождественская елка стояла в ближайшем к входной двери углу, украшенная звездами и леденцами в форме посоха (никакого хора ангелов или рождественских деревенских сцен), над зеркалом в холле висели венки из искусственной елки. Проходя мимо, она, как обычно, взглянула на свое отражение, нашла его не соответствующим стандартам и попыталась немного взбить волосы.

Она проявляла осторожность, заходя в лифт – великолепно оформленную кабину, – проверяла, не собирается ли кто-то зайти вслед за ней. Иногда ее сильно напрягали и утомляли разговоры с соседями. От нее ожидали комментариев по поводу положения дел в стране, или дел в их здании, или – самый большой ужас из всех возможных – о *погоде*. Просто сегодня она совсем не была к этому готова, даже больше, чем в другие дни.

В зеркальных панелях в лифте отразилось несколько миссис Марч, и все с беспокойством смотрели на нее. Она отвернулась от них и сосредоточила внимание на пронумерованных кнопках, каждая из которых загоралась по очереди, пока лифт шел на шестой этаж. Она закрыла глаза и вздохнула, прилагая усилия, чтобы взять себя в руки.

Миссис Марч немного расслабилась, дойдя до двери, на которой стояли цифры «606». Она всегда думала, что это очень красивое число, начинается и заканчивается одной и той же цифрой. После такого трудного дня она чувствовала бы себя гораздо хуже, если бы вернулась домой в квартиру «123» или под каким-то другим номером, вызывающим дискомфорт.

Она открыла дверь, и на нее хлынул поток свежего воздуха. Вероятно, Марта проветривала гостиную. Миссис Марч быстро пошла по коридору, желая любой ценой избежать встречи со своей домработницей. Она нырнула в свою спальню, где сквозь стену слышала, как у соседей в быстром ритме играет джаз. Для такой роскошной квартиры стены были позорно тонкими, и миссис Марч не в первый раз задумалась, почему они не решили этот вопрос, когда делали ремонт. Но тогда она могла еще этого не заметить.

Она сбросила шубу и перчатки так, словно снимала доспехи, потом сняла лоферы и вышла в коридор, осторожно ступая по скрипящему деревянному полу, который так любил выдавать ее присутствие. Несколько секунд она стояла неподвижно, освещаемая солнечным

³ Верхний Ист-Сайд – наиболее уважаемая часть Манхэттена, где проживает верхушка среднего класса.

светом, который лениво струился в коридор из открытой двери в ее спальню. Другие двери в коридоре были закрыты, включая дверь в кабинет Джорджа. Миссис Марч пошла к нему на цыпочках. Из гостиной послышался голос, вероятно Марты, когда миссис Марч проскользнула в кабинет и тихо прикрыла дверь за собой.

Частично ожидая приветствия и аплодисментов от публики за свою достойную жалости глупость, она вместо этого увидела темно-красные тканевые обои с изображением сцен из китайской жизни, ломящиеся от книг книжные шкафы и модные абстрактные картины. Миссис Марч в глубине души считала, что современное искусство ставит Джорджа в тупик так же, как и ее саму, хотя они оба представлялись его поклонниками. У одной стены стоял огромный диван «честерфилд»⁴, обтянутый кожей, на нем – пестрое покрывало, похожее на кашемировое, усыпанное крошками и в некоторых местах прожженное сигарами. Джордж иногда оставался здесь в периоды творческого подъема, когда писал и не мог остановиться, засыпая в кабинете.

Окна выходили на ничем не примечательную кирпичную стену. Джордж не хотел, чтобы его что-то отвлекало, когда он пишет. Вероятно, он считал, что даже этот совсем не вдохновляющий вид ему мешает, потому что развернул свой письменный стол так, чтобы сидеть лицом к двери.

Миссис Марч приблизилась к столу почти виновато. У нее раньше никогда не хватало смелости, чтобы одной войти в эту комнату, войти, когда там нет Джорджа, а уж тем более сделать то, что она собиралась сделать сейчас. Если вспомнить словарный запас ее матери, то наиболее подходящим выражением было бы «совать нос в чужие дела», хотя подошло бы и «шпионить».

Она провела рукой по письменному столу, как мог бы сделать слепой, пошевелила ручки с монограммами, сняла крышку с фарфоровой вазочки и перебрала пальцами содержимое (сигары и коробки спичек). Ее взгляд упал на уголок газетной вырезки, торчавшей из блокнота. Она взялась за этот уголок и легко потянула. С черно-белой фотографии, какие обычно делают для ежегодных школьных альбомов или альбомов в колледже, миссис Марч улыбалась красивая молодая женщина. У нее были длинные темные волосы и щеки с ямочками. Улыбалась она добродушно, словно и не позировала специально. «Сильвия Гибблер до сих пор не найдена, предположительно мертва», – гласил заголовок. «Странно, что Джордж сохранил статью о таком мрачном происшествии», – подумала миссис Марч. Внутри у нее все скрутило. Она вспомнила, хотя и не очень четко, что в программах новостей много говорили об исчезновении Сильвии Гибблер из ее родного города в штате Мэн. Она исчезла уже несколько недель назад. Миссис Марч сказала себе, что Джордж собирает материал для книги, и засунула статью назад в блокнот.

Наконец она заметила свою добычу на краю стола – ее взгляд зацепился за насыщенные цвета в стиле барокко, в которых была оформлена обложка, прежде чем ее сознание обработало увиденное. На полу слева от письменного стола стояла коробка, полная книг в этой обложке.

Она взяла в руки книгу со стола. Та показалась тяжелой, а пальцы оставили жирные отпечатки на глянцевой суперобложке. Ее фактура нервировала миссис Марч. Она оказалась странно гладкой, как кожа змеи, до которой ей однажды пришлось дотронуться во время урока по естествознанию. Она нервно открыла книгу и сначала переворачивала страницы медленно, искала посвящение. Пролистала от титульной страницы до первой главы, затем вернулась назад. Она не смогла найти никакого посвящения. Это само по себе было странно, потому что Джордж обязательно посвящал кому-то каждую свою книгу. Много лет назад один из рома-

⁴ Считается, что диван такой формы с ромбовидной стежкой первым заказал себе Филип Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд, после чего они быстро вошли в моду и стали невероятно популярны.

нов был посвящен ей. После его выхода она попросила Джорджа подписывать книги друзьям именно на этой странице, чтобы посвящение не осталось незамеченным.

Она перевернула еще несколько страниц и с раздражением поняла, что посвящения нет. Открыла книгу наугад – так, что корешок затрещал. Она принялась быстро читать, фактически просматривать, но ей все равно удавалось ухватить смысл слов – таких красивых и мягких, что они будто таяли на страницах, как масло.

Проститутка из Нанта. Слабая, с самой обычной внешностью, мерзкая, жалкая, нелюбимая, несчастная. Если брать физическое описание Джоанны, то оно вполне подходило к ее собственному. С другой стороны, в ее внешности не было ничего примечательного, поэтому с уверенностью нельзя было утверждать, что Джордж сделал это преднамеренно. Всегда закутана в меха, на грубых руках перчатки. Миссис Марч пролистала страницы в поисках хоть какого-то упоминания цвета – она бы умерла, если бы он оказался мятно-зеленым. Джоанна регулярно отпаривает и сбрызгивает духами нижние юбки – хотя их редко видят, потому что ее клиенты платят ей из жалости и отказываются к ней прикасаться. И, наконец, неизбежная судьба – нищета, убожество, грязь, а потом смерть, достойная итальянской оперы – открытые раны, кровь впитывается в норковую шубу...

Что-то настолько уродливое описано так красиво. Конечно, чтобы поймать тебя в капкан, заставить читать и медленно убедить согласиться с этим отвратительным портретом. И весь мир узнает или, что еще хуже, *предположит*. Они заглянут внутрь ее, а это худший из всех видов насилия.

Интуиция подсказала ей следующее действие, хотя это одновременно испугало ее – и она пролистала огромную книгу до самого конца, до страницы с благодарностями, стала просматривать имена – редактор, агент, профессора французской истории, мама, папа («Мы всегда думаем о них и молимся за них»), пока не добралась до последней строчки: «И, наконец, самому важному для меня человеку, моей жене, которая является для меня постоянным источником вдохновения».

Миссис Марч прижала руку к груди, тяжело дыша и смутно осознавая, как у нее по лицу катятся слезы между судорожными вздохами. Потом она потрясла книгу, ударила ею о письменный стол, открыла на фотографии автора на заднем клапане суперобложки, выцарапала Джорджу глаза, вырвала прошитый корешок, а затем стала вырывать страницы, сжимая их в кулаке – и они разлетелись по комнате словно перья.

Только после того, как последняя из разлетевшихся страниц, слегка подрагивая, подобно крыльям птицы, приземлилась на пол, до миссис Марч дошло, что она натворила. Она резко вдохнула.

– О нет, – произнесла она вслух. – О нет, о нет, о нет...

Она сжала руки, начала их заламывать, как часто делала, когда нервничала. Иногда так делала и Джоанна, о чем она теперь узнала, и это было необратимо и непоправимо.

Она заменила испорченную книгу другой из стоявшей на полу коробки – осторожно положила ее на то же место на письменном столе, потом приподняла юбку и стала спускать колготки. Ей пришлось наклониться, при этом волосы лезли в лицо, у нее потекло из носа. Наконец она их сняла, перенося вес с одной ноги на другую и опасно балансируя. Она опустилась на колени и стала собирать все разбросанное по полу в колготки – целые страницы, куски бумаги, остатки твердой обложки, – потом замотала все это бумажное месиво и еще завязала блестящей тканью, чтобы раздувшаяся упаковка не развалилась. Она сказала себе, что это единственный способ перенести улики в мусорное ведро в кухне (куда Джордж никогда не станет заглядывать).

Миссис Марч в последний раз обвела взглядом кабинет перед тем, как выскользнуть из него так же тихо, как она сюда входила.

Она прислонилась к стене в коридоре, слегка дрожа; пробираясь мимо гостиной, она дернулась от звука отодвигаемого стула, а затем проскользнула в кухню. Холодную, выложенную плиткой кухню.

Мусорное ведро было спрятано под раковиной за непрозрачной текстильной шторкой. Миссис Марч пришлось приложить некоторые усилия, чтобы вытащить его оттуда и засунуть получившийся бумажный шар в колготках под промасленную коробку из-под кекса. Она победно вылезла из-под шторы, как раз когда Марта появилась в дверях кухни.

– О, – произнесла Марта, удивившись при виде миссис Марч на кухне.

Они давным-давно заключили молчаливое соглашение, в соответствии с которым миссис Марч полностью отдала кухню во владение Марты, а когда они обе находились в квартире, то прилагали усилия, чтобы избежать встреч друг с другом. Можно сказать, исполняли сложный танец. Они обычно ходили на цыпочках вокруг друг друга, кружа по комнатам, словно в усложненном варианте игры под названием «Музыкальные стулья»⁵, и никогда не сталкивались в одном месте. По крайней мере, так поступала миссис Марч.

– Все в порядке, миссис Марч?

– О да, – ответила запыхавшаяся миссис Марч. – Я только что подумала, не приготовить ли пасту сегодня на ужин. Джордж любит пасту с колбасой.

– Ну, у нас недостаточно ингредиентов. Да и паста на ужин... Я бы не советовала, миссис Марч. В особенности после вчерашнего пирога с курицей.

Марта была широкоплечей женщиной лет пятидесяти, волосы всегда связывала в маленький тугой пучок так, что ей, по всей вероятности, было больно. На лице – немного веснушек, но никакой косметики, голубые глаза с покрасневшими веками смотрели спокойно. Казалось, она отличалась непробиваемым терпением. На самом деле миссис Марч довольно сильно ее побаивалась. В частности, она боялась, что Марта хочет быть или даже уже *знает*: именно *она* здесь главная, а не миссис Марч, которой следовало бы убираться в квартире.

– Я рекомендовала бы сегодня рыбу-меч, – сказала Марта.

– Ну, может быть, – согласилась миссис Марч. – Но Джордж любит пасту...

Марта сделала шаг по направлению к ней. Какая она огромная!

– Я на самом деле перенесла бы пасту на следующую неделю, миссис Марч.

Миссис Марч сглотнула, затем кивнула. Марта улыбнулась почти успокаивающе, лицо ее при этом оставалось серьезным. Миссис Марч попятилась из кухни, надеясь, что Марта не заметила, что у нее голые ноги.

⁵ «Музыкальные стулья» – подвижная игра, в которой используется на один стул меньше, чем количество участников.

Глава IV

Миссис Марч наблюдала за Джорджем, когда они вечером собрались ужинать. Он вошел в комнату, рассеянно глядя вниз на свои туфли и почесывая подбородок. Миссис Марч напряглась, повесив на лицо улыбку, которую он должен был увидеть при первом взгляде на нее. Но он так и не поднял голову, пока подходил к столу, лишь взялся за спинку стула, отодвинул его и уселся. Улыбка сошла с ее лица.

Они ели в маленькой столовой, соединявшейся с гостиной раздвижными стеклянными дверьми. На заднем фоне звучали ноктюрны Шопена. Стол был изысканно накрыт – это миссис Марч вбила в голову ее мать, и необходимость красиво накрывать стол вошла у нее в привычку. Мать многократно повторяла дочери, что удачный брак строится изнутри, и важно то, что происходит в доме, а не вне его. Мужа, возвращающегося домой после работы, всегда должна встречать жена в пике своей формы, и он должен попадать в дом, где все обустроено так, что он будет им гордиться. Все остальное станет строиться на этом. Мать подчеркивала, что если сама миссис Марч не сможет должным образом вести хозяйство, ей следует нанять кого-то, чтобы им заниматься. Миссис Марч научила Марту правильно накрывать на стол, каждый день и каждый вечер ставить серебряные подсвечники, выкладывать салфетки с монограммами, черный оливковый хлеб подавать в серебряной хлебнице, а вино – в широком графине. И все это ставилось на вышитую льняную скатерть, которая принадлежала еще бабушке миссис Марч (и стала частью приданого, которое ее мать вообще не хотела ей давать, потому что она выходила замуж за разведенного мужчину, да еще и без венчания в церкви – их регистрировали в мэрии).

Стол всегда накрывался так по умолчанию, даже если ужинала одна миссис Марч, что случалось часто. Когда Джордж погружался в написание книги, он очень мало ел, только бутерброды, которые ему в кабинет приносила Марта. В другое время он часто ездил в турне с целью продвижения своих книг или на конференции, встречался за обедом или ужином с агентом или редактором – это были обеды и ужины для гурманов, которые всегда растягивались надолго. В такие дни миссис Марч все равно ставила Шопена, все равно ела из серебряных блюд и дорогого фарфора, потягивала вино маленькими глотками из винных бокалов сложной формы под внимательным взглядом портретов Викторианской эпохи, написанных маслом, которые украшали столовую.

Мистер и миссис Марч по большей части молчали. Похоже, Джорджа молчание успокаивало. Миссис Марч поглядывала на него сбоку – у него уже торчал животик, который не скрывал удобный серый кардиган. Борода росла неровными пучками, которые еще и неравномерно распределялись по челюсти. Он громко жевал, даже несмотря на закрытый рот. Она слышала, как спаржа щелкает у него между зубов, как он слегка полощет вином рот перед тем, как его проглотить. Если Джордж раскрывал губы, то в уголке рта у него появлялась слюна. От этого она испытывала неловкость, и это если не упоминать тот факт, что он время от времени громко шмыгал носом, что всегда получалось неожиданно. Джордж заметил, что она на него смотрит, и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

– Для завтрашней вечеринки все готово? – спросил он.

– Хм, думаю, да.

Она добавила немного неуверенности в ответ, словно не была абсолютно уверена в том, что держит всю подготовку под контролем. Словно она сама не сломалась бы полностью и непорочно, если бы это не было так. Затем она осторожно спросила, подкладывая себе добавку рыбы, приготовленной Мартой и выложенной на блюде:

– Как продается книга? Есть какие-нибудь новости?

Джордж проглотил то, что жевал, промокнул рот салфеткой, что миссис Марч приняла за подсказку – поведенческое проявление его внутреннего состояния.

– Хорошо продается, хорошо, – сказал Джордж. – Знаешь, она вполне может оказаться моей лучшей. Или, по крайней мере, самой успешной. Так говорит Зельда.

Зельда была агентом Джорджа. Она много курила, выпуская дым кольцами, говорила хриплым голосом, любила квадратные стрижки и коричневую помаду. Эта женщина понимала под улыбкой оскалывание зубов. Миссис Марч сомневалась, что Зельда, которую всегда окружала целая стая напряженно работающих помощников, прочитала хотя бы одну из книг Джорджа. Точно не от начала до конца.

– Это великолепно, дорогой, – сказала она Джорджу. – А ты хочешь... – «Осторожно!» – Ты хочешь, чтобы я ее прочитала?

Она слышала, как Марта ужинает в кухне, как там звенит посуда, и этот звук эхом проносился по коридору и залетал в столовую.

Джордж пожал плечами.

– Ты же знаешь, что для меня всегда важно твое мнение. Хотя боюсь, что в этом случае я уже ничего не могу изменить. Книга вышла.

– Ты, конечно, прав. Я не стану ее читать. Какой смысл?

– Нет, я сказал совсем не это.

– Да, я знаю, – смягчилась миссис Марч. – Я имела в виду, что в конце концов я ее прочитаю. Когда закончу ту, которую читаю сейчас. Ты же знаешь, что я терпеть не могу читать две книги одновременно. Не могу толком сосредоточиться ни на одной из них. И все начинает сливаться...

Она почувствовала что-то у себя на руке и опустила глаза. Джордж успокаивающе накрыл ее руку своей.

– Прочитаешь, когда прочитаешь, – по-доброму сказал он.

Она немного расслабилась, но не желала сдаваться, зная, что если сейчас не скажет это, то потом будет мучиться.

– Знаешь, я вообще-то немного прочитала.

– Знаю.

– Очень... натуралистично.

– Да. Все так и было в те дни. Я же собрал много материала, как тебе известно.

Она на самом деле это знала: он ездил в Нант, встречался с историками в *Bibliothèque Universitaire*⁶, к ним в квартиру присылали книги от готовых помочь специалистов из разных стран, со всего мира – она сама видела, как Джордж целый год занимался сбором материала для книги. Но при этом она толком не обращала внимания на происходящее, она никогда не подозревала, что такое предательство вообще возможно. Миссис Марч поджала губы, готовясь к последнему вопросу.

– А ты занимался исследованием... проституток?

– Конечно, – кивнул он. – Всего.

Он стал невозмутимо есть дальше, ее вопросы его совершенно не тронули. Миссис Марч сделала глубокий вдох. Может, Патриция ошиблась. Может, она сама и не послужила прототипом для проститутки из Нанта, этой несчастной Джоанны. Может, прототипом послужила *мать* Джорджа – эта внезапно появившаяся мысль принесла ей удовольствие. Миссис Марч сдержала счастливый смешок.

После ужина они попрощались с Мартой, которая ждала у двери, уже сняв форменную одежду, на запястье у нее висела квадратная сумочка оливкового цвета. Они заперли за ней входную дверь, и Джордж отправился к себе в кабинет, а миссис Марч удалилась в спальню,

⁶ *Bibliothèque Universitaire* – университетская библиотека (*фр.*). Имеется в виду библиотека в Нантском университете.

где недавно была разобрана кровать. Белая фланелевая ночная рубашка лежала на кровати, а «Ребекка» в твердой обложке – на прикроватной тумбочке.

Она опустила голову на подушку и вздохнула с облегчением, которое приняла за удовлетворение. Она осторожно взяла книгу кончиками пальцев, чтобы не заляпать ее кремом для рук, но когда переворачивала страницу, большой палец соскользнул, она провела им по бумаге и запачкала слово «трусость» так, что оно стало нечитабельным. Миссис Марч угрюмо посмотрела на книги, наваленные высокой кучей на прикроватной тумбочке у Джорджа. Она всегда ревновала Джорджа к книгам, его отношения с ними казались интимными: он по-особому к ним прикасался, что-то на них царапал, загибал страницы, сгибал сами книги. После него страницы невероятным образом менялись так, что их невозможно было вернуть в изначальное состояние. Казалось, что он все про них знал, находил в них что-то такое, чего не могла она сама, несмотря на все усилия.

Она решительно вернулась к своей книге. Через несколько минут она поняла, что ей сложно сконцентрироваться – каждая фраза на странице прерывалась мыслями о пугающих ее гостях, которые придут на вечеринку, и потенциальном фиаско фирмы, занимающейся организацией банкетов. Они выливались на каждый абзац, заполняли собой все – поэтому она приняла безрецептурные таблетки, которые купила пару недель назад. Фармацевт заверил ее, что таблетки очень легкие, там только травы, но они сработали, и вскоре она уже погружалась в глубокий сон и даже не заметила, когда Джордж наконец лег в кровать – или так и не лег в ту ночь.

Глава V

Ей не удалось нанять шеф-повара из фьюжн-ресторана ⁷ в Вест-Виллидж ⁸, который теперь стал невероятно популярен, и бронировать места в нем приходилось за два месяца (миссис Марч там никогда не была). Вместо этого Марчи наняли фирму, обслуживающую банкеты. Командовать ими должна была Марта, которая гораздо лучше, чем миссис Марч, знала кухню.

Утром в день мероприятия миссис Марч отправилась в гостиную и суежилась там, проверяя стереосистему и температуру воздуха. Она выставила стулья в ряд у одной из стен на тот случай, если Джордж или его агент захотят выступить с речью перед сидящей аудиторией. Она выкатила телевизор из гостиной в их с Джорджем спальню. Она поменяла лампочку в светильнике, служившем подсветкой для картин. Он висел над оригиналом Хоппера ⁹. Потом она передвинула рождественскую елку в угол, проявляя осторожность, чтобы не потревожить гирлянды и подрагивающие елочные игрушки. Они приобрели ее сразу после Дня благодарения – узнав, что елку поставили в Рокфеллеровском центре. Правильнее будет сказать, это сделал Джордж – притащил ее домой с помощью редактора.

– Несмотря на возраст, он все еще получает удовольствие от таких детских радостей. Вот, например, притащил домой елку и радуется, как мальчишка, – пробормотала миссис Марч себе под нос. Она была склонна репетировать фразы, которые потом можно вернуть в разговор. Она любила чувствовать себя подготовленной.

Она поставила елку у одного из окон, где на нее никто не натолкнется. И тут ее взгляд упал на большую фотографию в рамке на одной из книжных полок. Она подождала, пока сотрудники нанятой ими фирмы удалятся на кухню, перед тем как ее осмотреть. Это была старая фотография дочери Джорджа от первого брака, Паулы. Или, как ее называли родители, Паулетты, что вызывало у миссис Марч отвращение.

Миссис Марч начала тайно встречаться с Джорджем на последнем курсе, когда ей исполнился двадцать один год. Джорджу тогда было тридцать два, он считался подававшим надежды автором, преподавал английскую литературу и вел курс писательского мастерства в университете. Она никогда не посещала его занятия. Они впервые встретились в кафетерии – вместе стояли в очереди. Джордж поставил баночку йогурта себе на поднос и беспечно заметил:

– Укротите свой аппетит, дорогие мои... ¹⁰

Говорил он в ее сторону – в целом. Хотя миссис Марч понятия не имела, что он цитирует Диккенса, она ответила радостным смехом – и повторила цитату, улыбаясь и качая головой, словно насмешливо укоряя Джорджа за дерзость.

Она помнила слова подруги, вместе с которой жила в университетском общежитии: «Джордж Марч – самый красивый мужчина в университетском городке». Она произнесла их, когда они еще учились на первом курсе, и они нашли отклик в душе у миссис Марч задолго до того, как она лично увидела Джорджа. После их первой встречи они ее мотивировали. Она до этого дня победно вспоминала эти слова и бережно хранила их в памяти, как хранят в шкафу бесценные семейные драгоценности.

Джордж ухаживал за ней неторопливо и ненавязчиво – так незаметно, что она иногда задумывалась: а он вообще за ней ухаживает или нет? Он вдруг появлялся там, где была она, и их встреча по ощущениям всегда получалась случайной, спонтанной. Они встречались шесть

⁷ Фьюжн – дословно «смешение». Кухня фьюжн – оригинальное смешение кулинарных традиций разных стран.

⁸ Вест-Виллидж – западная часть района Гринвич-Виллидж на Манхэттене.

⁹ Эдвард Хоппер – американский живописец и гравёр, оказавший большое влияние на мир искусства и поп-культуру.

¹⁰ Полностью цитата звучит: «Укротите свой аппетит, дорогие мои, и вы победите человеческую природу».

лет, и в эти годы он поднимался к славе – сначала стал известен, а потом превратился в звезду. Джордж сделал ей предложение, когда они ели йогурт, и это было восхитительно.

Она страстно желала традиционного венчания в церкви, но Джордж уже венчался со своей первой женой, поэтому миссис Марч пришлось удовлетвориться обычной регистрацией, которую ее мать презрительно вспоминала по сей день и фыркала, пока ее не настигала деменция.

Свадьба с Джорджем в присутствии всех тех людей, которые были приглашены и на его первое бракосочетание, оказалась предсказуемо гротескной. Они лицезрели, как он давал обещание любить другую женщину в болезни и здравии, пока их не разлучит смерть. Прошло всего несколько лет – клятвы позабыты, фотографии, напоминавшие о событии, вынуты из рамок и сняты с каминных полок... Было неизбежно, что ценность второго брака уменьшится в их глазах. Когда Джордж и миссис Марч обменивались клятвами, она услышала (была уверена, что услышала), как один из гостей со стороны Джорджа тихо сказал себе под нос: «Будем надеяться, что на этот раз кормить будет лучше».

Вместе с новой квартирой, в которой они стали жить вместе, и общим текущим счетом в банке она получила и его восьмилетнюю дочь Паулу. В предшествующие свадьбе месяцы миссис Марч с ужасом думала о встрече с бывшей женой Джорджа, готовясь к стычке, сцене ревности или, по крайней мере, с трудом скрываемой враждебности, но с удовольствием обнаружила, что они общаются вполне цивилизованно. Предыдущая миссис Марч пригласила ту, которая вот-вот должна была стать миссис Марч, на кофе, и они провели почти два часа, поверхностно обсуждая плюсы образования за границей. Они по очереди украдкой посматривали на часы, пока встреча не закончилась.

Проблема, как с разочарованием обнаружила миссис Марч, заключалась в дочери. Она ожидала уступчивую и покладистую уменьшенную версию себя самой, которую она сможет наряжать в сарафанчики поверх блузки и лепить по своему усмотрению. Вместо этого оказалось, что Паула с гонором. Упрямая и своевольная. Слишком симпатичная. Она бесцеремонно задавала вопросы («Почему у вас такие сухие руки?»; «Почему папа работает, а вы нет?»). Она взяла в привычку вступать в противоборство с миссис Марч за внимание отца. «Папа, о, *папа*», – обычно кричала она – миссис Марч думала, что очень жалостливо, – если вдруг начиналась буря или она царапала коленку (а голос оказывался подозрительно сильным для человека, который, предположительно, испытывает такую боль). Миссис Марч не переваривала то, как Джордж хвастался Паулой перед друзьями. Ей неизбежно приходилось подключаться – повторять как попугай, что ребенок на самом деле особенный и одаренный, хотя внутри ей хотелось кричать.

Она с ужасом ждала выходных, когда Паула приезжала в гости. После того, как девочка уезжала, всегда оставались ее следы. Розовая блузочка с оборочками, сложенная Мартой и положенная среди вещей миссис Марч в шкаф. Липкие отпечатки замазанных шоколадом пальцев на любимом одеяле миссис Марч из верблюжьей шерсти. Грязные стаканы с недопитой водой, оставленные на каждом столе.

Даже в отсутствие Паулы в квартире оставался запах Паулы: ее личный молочно-цветочный запах, с коим не справлялся освежитель воздуха с бергамотом, который миссис Марч лихорадочно разбрызгивала по всей квартире.

Миссис Марч и сама родила – в качестве доказательства всем, что она способна вырастить гораздо более доброго и нежного ребенка, а также в виде наказания для Паулы. Она обрадовалась, что родила мальчика, радовалась, что ей не придется видеть в девочке отражение себя, молодой, непорочной и неопытной.

Джонатан, которому теперь уже исполнилось восемь лет, жил в комнате, в которой раньше во время своих приездов спала Паула. Эту комнату миссис Марч полностью переоформила, уничтожив все, что там было сделано раньше, – словно кожу содрала. Теперь ее было не

узнать. Миссис Марч оклеила стены клетчатой тканью от «Ральфа Лорена», и комната стала очень уютной зимой, но в жаркие месяцы в ней было душно – тогда казалось, что в помещении создается свой собственный микроклимат. Она выбросила все фирменные игрушки Паулы – всех этих Микки-Маусов и диснеевских принцесс, заменив их простыми традиционными игрушками вроде деревянной лошадки-качалки и старых санок. На полках она расставила абсурдно дорогие первые издания старых детских книг («Приключения Гекльберри Финна», «Маленький лорд Фаунтлерой»). На одной стене в ряд в рамках висели обложки журнала «Нэшнл Джоигрэфик». Джонатан за свою жизнь не прочитал ни одного номера этого журнала, да и сама миссис Марч не разрешила бы этого – еще не хватало, чтобы он наткнулся на фотографии женщин из диких племен с голой грудью и множеством бус, которые закрывали только ключицы, тогда как их обвисшие груди указывали сосками на пупки. Но она с гордостью объявляла гостям, что эти номера журнала в рамках – его самые любимые. Если бы потребовалось опубликовать фотографии этой комнаты в каком-нибудь журнале, она была готова для фотографирования в любое время.

Джонатан отличался неряшливостью, время от времени дулся и выражал недовольство, но был тихим и задумчивым, от него слегка пахло чистым бельем и травой футбольного поля. Недавно он отправился в организованное школой путешествие в Центр Фицуильяма, где проводятся соревнования шахматистов и фехтовальщиков, в северную часть штата Нью-Йорк, и должен был вернуться через пару дней. Миссис Марч гордилась собой за то, что время от времени думала, чем Джонатан там занимается, – она решила, что это показывает, как она по нему скучает.

Паула, которой теперь исполнилось двадцать три года, вела роскошный образ жизни, вероятно считая, что он положен ей по праву. Жила она в Лондоне – ни больше ни меньше, – где сама миссис Марч давно мечтала жить и фантазировала об этом, в частности о стейках в «Уолсли», коктейлях в «Савойе» и спектаклях в Вест-Энде по субботам. Паула звонила им, чтобы узнать, как дела у Джорджа, и всегда спрашивала, как там миссис Марч, что сама миссис Марч считала излишним любопытством и попыткой выведать то, что Паулы не касалось.

Миссис Марч разглядывала фотографию в рамке, на которой была изображена Паула в возрасте десяти лет. Она видела глаза цвета жидкой карамели под бровями домиком, поджатые пухлые губы – она выглядела искушающе, о чем презрительно подумала миссис Марч. Десятилетняя Паула настояла, чтобы Джордж поставил фотографию именно сюда, явно потому, что таким образом она оказывалась на уровне глаз, и люди, заходя в гостиную, просто не могли ее не заметить. Миссис Марч теперь переместила ее на выше расположенную полку, не поставила, а положила лицом вниз, и вернулась к подготовке вечеринки.

Она разложила подушки на диване так, чтобы в самом центре оказалась сшитая из индийского набивного коленкора с изображением дроздов, поедающих фрукты. Она набросила кашемировый плед на спинку дивана, потом бросала его снова и снова, пока не добилась желаемого эффекта – чтобы он лежал красиво, но при этом вроде бы небрежно, словно миссис Марч читала и потеряла счет времени, так расслабилась, что забыла о том, что у них намечается вечеринка. И только после вежливого напоминания Марты (ее более кроткой и покорной версии) она бросила плед на диван и принялась за работу.

В то утро миссис Марч отправилась в цветочный магазин – дорогой магазин на Мэдисон-авеню, в рекламе которого указывалось, что у них имеется своя собственная маленькая оранжерея. Там она купила несколько больших букетов: красные розы в окружении веток эвкалипта и падуба; склонившиеся вниз сосновые лапы с густыми иголками, напоминающие щетки для чистки барабанов, которыми, как она видела, размахивали джазовые музыканты в «Карлайле». Она поставила пару в гостиной, одну в гостевой ванной комнате, где также добавила и ароматическую свечку с запахом магнолии, впечатляющий набор иностранного мыла и позолоченную стеклянную бутылочку с лосьоном для рук, который она обычно прятала у себя в тум-

бочке рядом с кроватью. Она так делала, опасаясь, что Марта может перепутать его с мылом. Лосьон был французским, и, как подозревала миссис Марч, Марта просто не знала, что *lait pour mains* означает «крем для рук».

Она поправила картину, висевшую над унитазом, – игривое изображение нескольких кокетливых молодых женщин, купающихся в ручье. Сквозь растущие на берегу деревья падали лучи света, освещая мягкие светлые волосы и тела женщин. Они робко улыбались, опуская глаза, но при этом все смотрели на зрителя. Эта картина не представляла никакой ценности и была куплена по дешевке после того, как ее откопали в старой художественной галерее, которая находилась на грани банкротства. Перед тем как выйти из ванной комнаты, миссис Марч какое-то время стояла перед картиной, с восхищением ее рассматривая. Мысль о том, что она относится к женщинам, способным оценить наводящее на размышления искусство, давала ей удовлетворение, несмотря на то, что она не знала фамилии художника и ей всегда было некомфортно смотреть на наготу. Теперь в ванной пахло сосной, и этот запах заполнил все помещение.

Миссис Марч отправилась в кухню и обнаружила, что там приятно находиться, – когда в ней так тихо, спокойно и темно и тишину нарушает только тихое сопение холодильника. Она почувствовала себя почти виноватой из-за того, что здесь вскоре появятся представители фирмы, занимающейся обслуживанием банкетов, и неизбежно нарушат это спокойствие. В конце концов она решила не подавать макаронс на десерт, вместо них выбрав тарталетки с малиновым чизкейком из маленькой пекарни с другой стороны парка (подальше от Патриции), а также традиционную, проверенную временем клубнику со сливками. Клубника стояла на полу в кухне в деревянных ящиках. На нее стоило посмотреть! Ярко-красные ягоды блестели и цветом напоминали маки. Сливки взбили с бурбонской ванилью с Мадагаскара и кондитерским сахаром. Они парили над хрустальным блюдом, словно облака. Миссис Марч представила лица гостей, раскрасневшиеся от радости и восхищения (на которых также будет заметна и зависть) – и этот образ буквально придал ей сил.

Она с восхищением осмотрела работу своих рук по всей кухне и пришла к выводу: определенно, это будет одна из самых завидных вечеринок и уж точно самая впечатляющая из тех, на которых была *она сама*. А уж литературный мир ее запомнит очень надолго.

Глава VI

Нельзя сказать, что она не посещала изысканные вечеринки. На самом деле даже весьма приличное количество.

В годы ее детства родители часто устраивали претенциозные ужины у себя в квартире. С дресс-кодом, который требуется на официальные мероприятия, специально приглашенными шеф-поварами и джазовыми квартетами. В такие вечера миссис Марч и ее сестра Лайза рано ужинали в кухне, где им подавали остатки после приготовления пищи. Они угрюмо это ели и смотрели на розовые блестящие канapé, которые планировалось подавать гостям. Эта еда дразнила их со столов, и вполне оправданно было украдкой на нее плюнуть разок или два.

Потом родители запирали сестер в их комнатах, имевших общую ванную. По большей части они проводили вечера в комнате Лайзы, поскольку она была старшей сестрой и у нее в комнате стоял телевизор. Они обычно смотрели фильмы ужасов, иногда какое-то европейское авторское кино и хихикали над обнаженной натурой, от вида которой захватывало дух.

Иногда их пугали взрывы хохота или пронзительные голоса из гостиной, иногда – звериное фыркание в коридоре. Однажды вечером ручка на двери в спальню стала медленно поворачиваться, потом ее принялись яростно трясти так, что задрожал весь косяк. Девочки сидели рядом, неподвижно и неотрывно смотрели на дверь, пока ее не прекратили трясти.

Кошку вместе с ее лотком, едой и водой запирали с ними, чтобы гостей не беспокоило мяуканье, на их одежде не оставалась кошачья шерсть и – боже упаси! – кошка не запрыгнула на стол. Обычно она царапала дверь и непрерывно орала, чтобы ее выпустили. Миссис Марч расстраивалась из-за ее страданий, подходила к двери, трогала ее, словно пытаясь открыть, потом изображала досаду, чтобы кошка поняла: она тоже оказалась в ловушке в комнате.

Наутро после таких вечеринок в доме пахло по-другому – духами из сандалового дерева, сигарами и ароматическими свечами, что было странно, потому что ее родители не держали таких свечей.

Когда миссис Марч исполнилось семнадцать лет, ее наконец пригласили попристутствовать на одной из таких вечеринок. Ее отец упомянул это вскользь однажды субботним вечером, читая газету и даже не выглянув из-за нее.

Она почувствовала себя очень взрослой, или начала сильно нервничать, или и то и другое сразу. Она стащила из бара бутылку шерри и приложила к ней у себя в комнате, вначале робко и с перерывами, потом большими глотками, один за другим.

В тот вечер она слишком возбужденно дискутировала с друзьями своих родителей о театре и искусстве. Не задумываясь, смеялась над шутками, хотя не была уверена, что поняла их смысл. Она влезла в серьезный спор интеллектуалов, обсуждавших, что важнее – природные способности или воспитание и обучение, она цитировала Мэри Шелли, работы которой изучала в школе. Она пробовала все блюда, которые приготовил шеф-повар для этого роскошного пира, подобного обильным трапезам в эпоху Тюдоров. Подавали даже жареную оленину и мясной пирог. Она продолжала пить, пока вдруг не поняла, что все гости ушли, а она стоит в одиночестве со стаканом портвейна в руке и не помнит, как его наливала.

Всю ночь она обнималась с унитазом, стояла на коленях на холодном, выложенном плиткой полу в общей с сестрой ванной комнате. Из нее что-то продолжало выходить до самого утра, организм очищался от тяжелой мясной пищи, которая вылетала из нее вязкими и склизкими комками.

На следующий день она долго пряталась в своей комнате и вышла только после обеда. И когда в конце концов заглянула в гостиную, ей показалось, что мебель стоит не совсем так, как всегда, – сдвинута на несколько сантиметров. Похоже, что и книги отца стояли не в том

порядке, а на голубой фарфоровой вазе на пианино появился дракон, хотя миссис Марч была уверена, что раньше на ней всегда изображалась птица.

Ее родители сидели в разных углах на диване, оба читали одну и ту же книгу – каждый свой экземпляр, и, похоже, не обращали внимания на воняющую обивку, которая пропиталась алкоголем. Они даже не подняли головы, когда она вошла. Ни один из них вообще ни разу не упомянул вечеринку, и миссис Марч восприняла это как молчаливое признание ими ее недостатков, хотя они явно пребывали в мрачном настроении из-за ее поведения. Мать настояла на том, чтобы помыть ей голову. Она всегда мыла голову дочери – до тех пор, когда миссис Марч не уехала на учебу в колледж.

В тот день после вечеринки у родителей миссис Марч стояла на коленях на полу у ванны, а ее мать сидела на краю и намыливала ей голову. Они не разговаривали, но мать особенно сильно тянула ее за волосы, а миссис Марч пыталась справиться с приступами тошноты, что было особенно трудно, когда наклоняешь голову вниз. Она посчитала это наказанием за ее поведение в предыдущий вечер. Когда мать особенно грубо натирала ей кожу головы, миссис Марч поклялась, что больше не выпьет ни капли спиртного, пока не закончит колледж.

Она сдержала слово и посещала вечеринки в университете как зрительница, а не участница веселья. Ходила как призрак по общежитиям и университетским клубам, смотрела, как пьяные студенты играют в настольный теннис, а парочки страстно целуются в темных углах.

Своего первого парня, с которым у нее сложились серьезные отношения, Даррена Турпа, она встретила как раз на одной из первых вечеринок на территории университетского городка. Миссис Марч придумала для себя еще одно строгое правило: она потеряет девственность с первым парнем, который скажет, что любит ее. И так и случилось через полтора года, в не по сезону жаркий весенний день, когда они вместе потели на матрасе в комнате Даррена (его отец дружил с деканом и смог договориться о выделении сыну одноместной комнаты). Потом они заснули, а когда миссис Марч проснулась тем вечером и попыталась воспроизвести в памяти произошедшее, то не вспомнила ничего, кроме того, как солнце светило на закрытые веки, а простыня туго обмоталась вокруг лодыжек, словно их крепко сжали чьи-то руки. Она выскользнула из кровати так тихо, как только могла, и осмотрела простыню с помощью фонарика скаута-орла¹¹ Даррена. Ничего – даже смазанного пятна ржавого цвета, как бывает во время месячных. Вероятно, ее девственная плева, эта так называемая священная ее часть, разорвалась когда-то давно.

Она продолжала встречаться с милым и непритязательным Дарреном до последнего года учебы в университете, когда встретила Джорджа и увлеклась им («Джордж Марч – самый красивый мужчина в университетском городке»). Она просто сказала Даррену, что уходит от него, не дав никаких объяснений. Он умолял ее остаться или хотя бы подумать, а когда она наотрез отказалась, стал докучать ей просьбой позвонить его матери и лично сообщить эту новость.

– По крайней мере, моя мама заслуживает объяснения, – горячо заявил он. – После всего того, что она для тебя сделала.

Миссис Марч несколько раз ездила на День благодарения в дом Турпов в Бостоне, где они с Дарреном спали в соседних комнатах, чтобы соблюдать приличия в доме гордо следующей традициям миссис Турп. Каждое утро на рассвете мать Даррена тихо пробиралась в комнату миссис Марч, и та предполагала, что делает она это, желая проверить, не провела ли парочка вместе ночь. Но оказалось, что миссис Турп приходила за полотенцами, чтобы разогреть их в сушилке перед тем, как гостя будет утром принимать душ.

Миссис Марч набрала номер миссис Турп, стоя в телефонной будке перед кафе через несколько минут после расставания с ее сыном. Шел сильный дождь, сверкали молнии, гром

¹¹ Скаут-орел – бойскаут, набравший определенное количество очков по всем видам зачетов, – высший ранг у бойскаутов Америки.

гремел, казалось, с интервалами в три секунды. Женщины едва ли слышали друг друга из-за раскатов грома.

– Я посчитала, что нам с Дарреном следует расстаться...

– Что?

– Мы с Дарреном решили, что будет лучше, если...

– Не слышу тебя!

– Я уйду от Даррена! – заорала миссис Марч в трубку, которую прижимала к левому уху, при этом пальцем затыкая правое.

За этим криком последовало молчание, потом миссис Турп холодно сказала, используя короткие фразы:

– Хорошо. Спасибо. Удачи во всем.

После этого трубку повесили, и миссис Марч вышла из телефонной будки, больше не сказав ни слова Даррену, который все это время ходил взад и вперед перед ней и промок до нитки. Она позволила себе поплакать шестнадцать минут, вспоминая их отношения, – именно столько времени ей потребовалось, чтобы дойти до своего общежития.

Выйдя замуж за Джорджа, миссис Марч сняла с себя запрет на употребление спиртного и стала получать удовольствие от вина и «Кир Рояль»¹², которые подавали на мероприятиях, куда приглашали ее становившегося все более популярным мужа. Количество мероприятий росло. Одним из них оказалось эксклюзивное посещение Музея Метрополитен после закрытия. Для них провели индивидуальную экскурсию по выставке, которая еще только должна была открыться, а после этого в буфете «для своих» проводилась коктейльная вечеринка. Приглашенные перемещались от стола к столу, держась за них так, словно это были спасательные шлюпки.

Именно на этой вечеринке миссис Марч снова встретила Даррена. После их разрыва прошло восемь или девять лет, но у Даррена были все те же прыщеватые щеки, те же выющиеся волосы, на нем была такая же полосатая хлопчатобумажная рубашка, как он носил всегда (хотя миссис Марч расстроилась, поняв, что конкретно эту рубашку не знает – словно у нее осталось право вечно знать весь состав его гардероба).

Джордж оживленно с кем-то беседовал и не обращал на нее внимания, что дало ей возможность подойти к Даррену, который в уголке потягивал что-то розовое. Она похлопала его по плечу, а когда он повернулся, у него вытянулась физиономия.

– О, это ты, – сказал он.

Только потому, что на них смотрели люди, миссис Марч громко рассмеялась, притворяясь, будто он пошутил.

– Я тебя уже видел, – продолжал Даррен. – С профессором Марчем. Вы на самом деле встречаетесь?

Он перевел взгляд на Джорджа, который продолжал с кем-то болтать.

– Да. На самом деле мы женаты, – с нескрываемой гордостью объявила миссис Марч, приподнимая руку, на которой блестело внушительных размеров кольцо. – Он больше не профессор, – добавила она, надеясь, что Даррен поинтересуется последними успехами Джорджа.

– Мне следовало догадаться, – обиженно фыркнул он.

– Догадаться о чем?

– Что ты изменяла мне с профессором.

– Я не делала ничего подобного. – Миссис Марч сглотнула.

– Конечно, делала! Кто-то сказал мне, что видел вас вместе уже на следующий день после того, как ты меня бросила. Даже двое суток подождать не могла, да?

¹² «Кир Рояль» – коктейль-аперитив с легким ягодным вкусом.

Миссис Марч лишилась дара речи. Это выглядело глупо, хотя и льстило ей – кто-то потратил такие усилия, посчитал ее достаточно важной, чтобы следить за ней.

– И конечно, ты нацелилась на профессора, – продолжал Даррен. – Все, что ты делаешь, ты делаешь напоказ.

– Не глупи.

– А я сам тебе хоть когда-нибудь нравился? Или ты выбрала меня, потому что я из богатой семьи?

Миссис Марч уже собиралась заметить, что у ее семьи гораздо больше денег, чем у его, но вместо этого шикнула на него.

– Люди смотрят, – сказала она.

– Ну, должен тебе сказать, что теперь у меня все хорошо. Меня взяли на работу в «Нью-Йоркер». Платят хорошо, как ты, возможно, знаешь.

Новость немного уколола, потому что Джордж недавно предлагал один свой рассказ в «Нью-Йоркер», и ему там категорически отказали.

– Поздравляю, – смиренно произнесла миссис Марч.

Ей страшно хотелось выплеснуть на него содержимое бокала или плюнуть ему в лицо, но она этого не сделала. На самом деле ей хотелось узнать, кто рассказал ему про нее и Джорджа и кто еще об этом знает, об этом маленьком пятне на ее репутации. У нее кружилась голова от выпитого алкоголя и музыки, она пошла прочь от Даррена и мучилась теперь из-за своих глупых, ничего не значивших «поздравлений». Ей удалось, хотя и приложив усилия, казаться веселой и беззаботной до окончания вечеринки, и все это время избегать дальнейших встреч с человеком с вьющимися волосами, голова которого все время угрожающе мелькала в толпе.

Потом она узнала, что Даррен ей наврал – она ненавязчиво расспрашивала о нем общих знакомых. Он работал просто курьером, да к тому же еще и малооплачиваемым. Джордж поднимался все выше и выше, а Даррен, насколько могла судить миссис Марч, не смог войти в литературное сообщество (да и ни в какое другое тоже). Она выиграла. Теперь она только отчаянно надеялась, что Даррен никогда не увидит последнюю книгу Джорджа. Ведь она могла бы принести ему такое удовлетворение.

Глава VII

День, на который была запланирована вечеринка в честь Джорджа, приближался с приводившей в смятение скоростью. Эта тема, казалось, висела в воздухе как прорывающийся и просачивающийся всюду туман. Она маячила над всеми разговорами, которые вела миссис Марч, ждала ее у каждой паузы. Казалось, что с ней соглашалась квартира – в каждой комнате навели красоту, по-новому расставили мебель, чтобы освободить побольше места. Квартира ждала – но как-то укоризненно.

Миссис Марч была слишком возбуждена, чтобы что-то есть, но попросила Марту приготовить ей что-то легкое – «чтобы не набивать живот». Она не хотела, чтобы Марта знала, как она волнуется из-за вечеринки, как та занимает все ее мысли, и отправила на задний план все остальные приоритеты.

Она вяло клевала овощи, запивала кусочки большими глотками воды, дышала через рот, как она делала, когда была маленькой девочкой, а ее заставляли есть то, что ей не нравилось. Высокие напольные часы в деревянном корпусе неодобрительно тикали в прихожей, напоминающая судью Викторианской эпохи в парике, шелкающего языком и – когда они отбивали какой-то час – звонящего в колокол на ступенях суда, чтобы объявить ее виновной.

Повар и официанты уже все приготовили и отправились переодеваться в форму. Внезапно миссис Марч подумала с негодованием, что они уже все вернулись или никогда и не уходили и прячутся в коридоре, чтобы ее испугать. Она оттолкнула от себя тарелку с овощами, а потом положила на нее салфетку в попытке скрыть, как мало съела.

И отправилась в спальню, когда Марта принялась убирать со стола. В это время дня в комнату падал прямой солнечный свет, и лучи пронзали ее так, словно наносили по ней удары кинжалом. Миссис Марч задернула шторы, опасаясь, что у нее разболится голова. Она сбросила обувь и легла на кровать, поправила юбку и уставилась в потолок, положив руки на живот. Попыталась вздремнуть, но пульс отдавал глухими ударами ей в уши, сердце стучало так громко, что она не могла не обращать на него внимания. К тому же у нее появилась уверенность, что она допустила какую-то ошибку с организацией вечеринки, которую невозможно исправить, и от этой мысли ей было не отделаться. А в каком состоянии сейчас находятся ее гости? В таком же состоянии ожидания? Вечеринка парализует каждую их мысль, доминирует над каждым делом, которым они занимаются? Вероятно, нет. Она сглотнула, в горле у нее пересохло, было больно глотать. Взглянула на часы на запястье, руки дрожали, начался нервный тик. Она лежала и смотрела на часы до без четверти четыре – решив, что, самое раннее, позволит себе начать одеваться к вечеринке только в это время.

Она вскочила с кровати и открыла дверцы встроенного шкафа. Ее уже давно мучило подозрение, что, хотя ее гардероб и подобран со вкусом и вещи у нее хорошего качества, она не умеет их правильно сочетать и выдерживать стиль. В результате они выглядят дешевыми, безвкусными и просто жалкими. Она подозревала, что это можно сказать и про ее мебель, а на самом деле и про все принадлежавшие ей вещи, но в особенности про одежду. Похоже, что одежда не шла ей так, как она шла другим женщинам: все оказывалось или слишком обтягивающим, или слишком коротким, или висело на ней как на вешалке – вещи становились бесформенными, вздымались и шли волнами. Всегда казалось, что она надела чужие вещи.

Миссис Марч стояла неподвижно перед шкафом, осматривая ткань и рисунки на платьях, юбках и брючных костюмах. Как странно, подумала она, что наступит день, когда она выберет последний комплект, который на себя наденет. Последнюю блузку, которая будет вздыматься у нее на груди с каждым ее дыханием, последнюю юбку, которая будет прижиматься к ее животу, когда она будет есть. Совсем необязательно, что она в них умрет (в сознании промелькнули вспышки – больничные ночные рубашки) или ее в них похоронят (ее сестра, всегда строго сле-

дующая протоколу, вероятно, выберет самый скучный наряд, который ей меньше всего идет), но все равно это будут последние вещи, которые она выберет сама, чтобы надеть. Она умрет сегодня вечером, до того как начнется вечеринка, и не сможет выполнить роль хозяйки? Пока она усиленно проигрывает в голове этот сценарий, он не должен воплотиться в жизнь. Она часто играла сама с собой в такую игру. Если она задумается, не станет ли ее наряд самым последним, то он и не станет. Если она представит, как умирает сегодня, то не умрет. Это был глупый предрассудок, но на самом деле какие шансы на то, что случится что-то ужасное, когда ты этого ожидаешь? Очень низкие. Никто никогда не говорит: «Моя жена сегодня умерла, как и ожидалось» или «Я попала в ужасную аварию, как и предсказывала».

Она просмотрела вешалки в поисках платья, о котором думала с тех самых пор, как они вообще решили провести вечеринку. Это было платье темно-зеленого цвета с длинными рукавами. Кожа в верхней части ее рук стала дряблой и отвислой с возрастом, и она их специально скрывала.

Она нашла платье между двумя твидовыми брючными костюмами и вытащила его. Вспомнила, что надевала его только один раз – на ужин несколько месяцев назад, когда они с Джорджем встречались с его кузеном Джаредом. Хотя она очень внимательно изучала список приглашенных на сегодняшнюю вечеринку, теперь из подсознания всплыл страх – а что, если и Джаред числится среди гостей? Это не давало ей покоя. В прошлом миссис Марч встречалась с Джаредом только два раза, и нельзя допустить, чтобы на двух из трех встреч с ним она появлялась в одном и том же платье. Конечно, он тепло с ней поздоровается, явно ожидая, что жена его знаменитого кузена произведет на него впечатление. Но, поняв, что она надела то же самое платье, те же драгоценности, у нее та же прическа, он, несомненно, переключит внимание на более стильных женщин в комнате.

Ее взгляд упал на платье насыщенного голубого цвета с открытыми плечами, скрытое в глубине шкафа. Она никогда его не надевала. На самом деле с него еще даже не срезали бирку. Она подумала: «Какой насыщенный, но при этом элегантный цвет! Маловероятно, что кто-то еще из гостей выберет вещь такого же цвета». Но, к сожалению, платье было без рукавов. Она вытащила и его из шкафа и осмотрела оба платья, держа их в руках. Голубое, конечно, было красивым, но миссис Марч не могла рисковать: а вдруг кто-то сфотографирует ее голые руки? Она сунула его назад в шкаф.

Потом сняла с вешалки темно-зеленое платье, осторожно отнесла к кровати, словно это был спящий ребенок, и расправила на покрывале. Рядом с платьем она положила золотую брошь и круглые золотые серьги.

После этого занялась волосами, плотно накручивая их на термобигуди – одну прядь за другой.

Затем обработала ногти пилочкой, потом покрыла их лаком. Она сама всегда этим занималась, чтобы избежать встреч с профессиональными маникюршами, которые вполне могли начать критиковать состояние ее ногтей, как они часто делали в прошлом, спрашивая: «А почему у вас такие желтые ногти? Вы подолгу не смываете лак?» И спрашивали они это в присутствии других клиентов.

Миссис Марч ждала, пока высохнут ногти, и при этом неотрывно смотрела на отстукивающие секунды часы. Затем сняла термобигуди. Когда она разворачивала один из локонов, одна трубочка, все еще оставаясь горячей, обожгла ей кожу на мочке уха сзади. Она резко втянула в себя воздух и промокнула горячее ухо влажным кусочком туалетной бумаги.

Потом разделась, стараясь не смотреть на свое обнаженное тело в зеркале. Кожа на животе так полностью и не восстановилась после вынашивания Джонатана. В нижней части живота виднелись растяжки, которые тянулись к густому темному треугольнику волос между ногами. Ей удалось, хотя и приложив некоторые усилия, всунуть обвисший живот в обтягивающий пояс телесного цвета, а потом она стала натягивать на себя темно-зеленое платье.

Когда она наконец позволила себе посмотреться в зеркало в ванной, то улыбнулась – неестественно, словно позировала для фотографии. Слегка покачиваясь, притворяясь, что держит в руке бокал, она изобразила смех.

– Спасибо, что пришли, – сказала она зеркалу. – Спасибо *вам*, что пришли.

Она попробовала накрасить губы разными помадами – все они ни разу не использовались, были жесткими и блестели, как свечной воск. Но ей пришлось с яростью стирать каждую помаду, при этом она запачкала всю челюсть, потом стала тереть подбородок бумажными полотенцами, а потом в ярости специально провела по шее алой помадой, словно резанула по ней. Наконец, приняв свое поражение, она вернулась к скромной помаде кремового цвета, которой всегда пользовалась.

Все еще окончательно не приняв решение, она стянула темно-зеленое платье, вернулась к шкафу и попробовала надеть голубое. Она поморщилась, когда увидела в зеркале выпячивающуюся верхнюю часть живота и руки, кожа на которых казалась одновременно и плотно натянутой, и обвисшей. Она сорвала с себя платье с приглушенным вскриком. Надела шелковую блузку – ту, которую обычно носила с принадлежавшими ее матери старыми запонками с горным хрусталем – и черную юбку, а потом в конце концов снова оказалась в темно-зеленом платье.

* * *

Джордж появился дома в сумерках, когда миссис Марч экспериментировала со светом – с люстрой и торшерами, чтобы определить, какое сочетание ламп создаст уютную, но при этом полную драйва атмосферу. Она тихо напевала себе под нос, как может только спокойная и собранная женщина, но официанты не заметили ее представления. Они вежливо ее игнорировали, когда она баловалась со светом.

Она раздраженно посмотрела на часы на руке. Часть гостей уже, вероятно, находилась на пути к ним: семейные пары переругиваются в лифтах и на задних сиденьях в такси. У женщин так туго натянуты волосы, что они выглядят как после пластической операции, мужчины притворяются, будто купленные десять лет назад костюмы от «Армани» все еще прекрасно на них сидят.

Она предпринимала последнюю несмелую попытку сменить платье, когда Джордж завязывал в ванной галстук. Внезапно ни с того ни с сего он сказал:

– Знаешь, Паулетта звонила, чтобы меня поздравить.

– О, правда? – произнесла миссис Марч.

– Так, не начинай.

– Что не начинать? Я просто сказала «О, правда?».

– Ну, это было очень мило с ее стороны. Она позвонила, несмотря на то, что сейчас занята съемкой...

– Но она же очень *талантлива*, – заметила миссис Марч.

– Да, у нее очень здорово получается.

У миссис Марч внутри все опустилось, когда она представила, как эта гордость Джорджа Паулой будет проявляться на вечеринке. Она так напряженно работала и строила надежды, которые, вероятно, оказались слишком завышенными (мечты о том, что Джордж посвятит ей речь, скажет о своей любви к ней, гости среди прочего похвалят ее безупречный вкус), и теперь ей придется в этот вечер делить восхищение Джорджа с кем-то еще?!

– На самом деле у нее так хорошо идут дела, что она решила приобрести дом в Кенсингтоне, – продолжал Джордж, застегивая запонку.

– Как мило.

– Да. Похоже, дом красивый – да еще в придачу является достопримечательностью. Она говорит, что когда мы приедем в гости, то сможем там остановиться.

Быть гостьей Паулы, быть *благодарной* ей за что-либо – нет! Это казалось чужеродным, фактически анафемой – и у миссис Марч даже начал дергаться глаз. Она взяла себя в руки, сосредоточив внимание на пальцах Джорджа, когда он застегивал вторую запонку. А она раньше видела эти запонки?

– У нее на самом деле хорошо идут дела, – повторил Джордж себе под нос с отсутствующим видом.

Миссис Марч определенно не видела эти запонки раньше, и это вызывало у нее беспокойство. Она знала все запонки Джорджа, все галстуки и платки-паше¹³, потому что большинство из них были ее подарками за годы их совместной жизни. Откуда взялись эти запонки? Она сделала шаг вперед, открыла рот, чтобы спросить, но тут зазвонил дверной звонок.

Прибыли первые гости – группа из пяти человек, словно они заранее договорились где-то встретиться. Миссис Марч представила, как один из них говорит остальным: «О боже, но кто же захочет в одиночестве сидеть в квартире и разговаривать с *ней*?» В любом случае у нее вспотело под коленями от одной мысли, что придется вести светскую беседу с одним или двумя рано пришедшими гостями. При виде пяти она почувствовала облегчение, проводила их в гостиную и оставила там, а сама притворилась, будто ей требуется доделать какие-то дела. В данном случае это означало спрятаться в примыкающей к ее спальне ванной комнате, где она осторожно присела на опущенную крышку унитаза, чтобы не помять платье.

Вскоре квартира наполнилась создававшими шум гостями, зазвучал «Щелкунчик» – более живая, близкая к джазу версия, которую миссис Марч посчитала идеальным выбором для коктейльной вечеринки зимой. Она гармонично сочеталась с пульсирующими басами голосов и время от времени вступающими ударными – звонким смехом.

Несколько гостей – старые друзья Джорджа – подарили ему черно-белую фотографию его дедушки в рамке, который с серьезным видом позировал рядом со своим пятнистым английским сеттером. В одной руке он держал ружье, в другой – мертвую утку. Миссис Марч сразу ее возненавидела. Выражения лица мужчины и морды собаки – торжественные, величественные – казались абсурдными. И еще более абсурдным фотографию делало то, что кто-то посчитал ее достойной помещения в рамку. Миссис Марч отметила про себя, что, как только гости уйдут, нужно будет сразу же ее спрятать за шляпными коробками в шкафу.

Вечеринка шла своим чередом, прибывали новые гости, в гостиной становилось все меньше места. Миссис Марч регулярно отправляла Марту в гостевую ванную – свернуть полотенца, вытереть сиденье унитаза и протереть пол легким дезинфицирующим средством с нашатырным спиртом. Резко пахнувшие пары нашатырного спирта смешивались со стойким, сочным запахом сосны. Получался такой незабываемый запах, что гости в будущем во время посещения больниц или проходя мимо магазина, когда хозяйка выливает на улицу воду после уборки, сразу же будут вспоминать последнюю вечеринку у Марчей.

¹³ Платок-паше – платок в нагрудном кармане мужского костюма.

Глава VIII

Миссис Марч оглядывала женщин. Ее внимание особенно привлекла одна из них – лет двадцати пяти, может, и ближе к тридцати, но явно самая молодая гостья на вечеринке. Миссис Марч оглядела ее блестящие золотистые волосы, платье винного цвета – поразительно простого кроя, но прекрасно сидевшее на ее стройной фигуре. Миссис Марч внутренне сжалась, почувствовав себя неуклюжей и выставленной напоказ в самом непривлекательном свете: она выглядела так, словно очень старалась хорошо выглядеть. «Молодящаяся старушка», – как сказала бы ее мать. У нее были ослабленные волосы, гладкие и неказистые. Она даже не знала, какого они цвета! Она вспотела, и завитые на бигуди локоны стали развиваться, тонкие мокрые пряди упали на лоб и прилипли к нему.

Среди гостей курсировали официанты с подносами, на которых стояли канапе с копченым лососем и тарталетки с луком и сыром бри. Из стереосистемы лилась мечтательная песня в исполнении Анны Марии Альбергетти. Миссис Марч снова зафиксировала свой взгляд на женщине, которая разговаривала с двумя мужчинами, смотревшими на нее с благоговением, и увидела, как та небрежно заводит прядь золотистых волос за ухо. Миссис Марч инстинктивно скопировала этот жест. Ее пальцы задели обожженную мочку уха, и облезающей, незажившей коже тут же стало больно. Она слегка поморщилась, сжала зубы и приблизилась к группе украдкой, словно совершала преступление.

– Все в порядке? – спросила она, заламывая руки.

Они повернули головы, чтобы посмотреть на нее. Женщина курила какую-то странную сигарету – тонкую, длинную, цвета слоновой кости, как и ее шея. Браслеты на костлявом запястье зазвенели, когда она поднесла сигарету к губам.

– Миссис Марч, очень рад видеть вас, – сказал один из мужчин. Миссис Марч смутно его помнила, это был банкир Джорджа, который вел его финансовые дела. Она не могла вспомнить, как его зовут, но знала, что они с Джорджем время от времени вместе играют в теннис.

– Надеюсь, что вам у нас нравится, – произнесла миссис Марч, в большей степени обращаясь к молодой женщине.

– Хорошая вечеринка, – кивнул банкир. – И столько народа собралось.

– О да, – согласилась миссис Марч. – Такая толпа! Я почти никого не знаю.

Молодая женщина смотрела куда-то в другое место, отклоняя голову назад, когда курила, словно пила из абсурдно высокого бокала для шампанского.

– Ну, могу начать с Тома, который стоит рядом со мной, и представить вас друг другу, – снова заговорил банкир. – И мисс Габриэлле Линн. Я уверен, что вы узнали ее – вы же читали «Арт-форум» за прошлый месяц.

Миссис Марч растянула губы в улыбке, хотя и несколько агрессивно, когда смотрела на напоминавшую газель мисс Линн, которая выпустила облако дыма, но ничего не сказала.

– Мисс Линн в настоящее время – самый востребованный дизайнер книжных обложек, – вставил Том.

Габриэлла покачала головой и выпустила еще одно облако дыма. И его выход у нее как-то естественно перешел в тихий смех.

– Боюсь, что на этих двоих производит впечатление почти все, – сказала она миссис Марч, и миссис Марч захихикала, радуясь тому, что ее приняли в этот узкий круг. – Кстати, совершенно замечательная вечеринка, спасибо большое, что пригласили меня, – добавила Габриэлла равнодушным монотонным голосом. Она говорила с чарующим акцентом, происхождение которого было не определить. В дальнейшем миссис Марч узнает, что она приобрела его в детстве, переезжая из одного места в другое в Европе.

– О, спасибо. Я очень рада, – ответила миссис Марч. – Все друзья Джорджа – и мои друзья. Вы делали обложки для каких-то его книг?

– Как бы мне этого хотелось!

Габриэлла потушила сигарету в остатках блинов с икрой и крем-фрешем¹⁴, официант сразу же забрал тарелку. Миссис Марч не могла решить, оскорбиться ли ей на Габриэлла за такое поведение или нет. Недоеденные блины в любом случае должны были отправиться в помойное ведро, но осквернение их подобным образом могло восприниматься как оскорбительное отношение к ее гостеприимству. Внезапно у нее возникло желание расплакаться, и только одна возможность этого привела ее в ужас.

– На самом деле мне предлагали разработать обложку для его нового романа, – продолжала Габриэлла. – Но, к сожалению, я тогда работала над другим заказом. Хотя в результате все вышло хорошо – дизайнер, которого они пригласили, выбрал ту культовую картину. Обложка просто идеально подошла, она передает дух романа лучше, чем что-либо, что могла предложить я.

Миссис Марч тупо кивнула, прикидывая, как выглядит тело Габриэллы под тонким сатиновым платьем: какого цвета у нее соски, есть ли у нее веснушки или родинки. Может, Габриэлла считает их непривлекательными, а все мужчины – невероятно сексуальными.

– Я предполагаю, вы читали книгу? – спросила Габриэлла, глядя прямо в глаза миссис Марч и склоняя голову набок. Ее губы были слегка приоткрыты, словно так она демонстрировала игривость и любопытство.

– О, конечно, я читаю все книги Джорджа, – заявила миссис Марч слегка подрагивающим голосом.

До того, как разговор успел перейти к главной героине книги, чего миссис Марч очень боялась, появился еще один мужчина. Он сгреб Габриэлла в объятия и в качестве приветствия поцеловал ее в обе щеки. Судя по виду, он только пришел – еще не снял пальто, на плечах которого блестели капли дождя. Миссис Марч почувствовала, как внимание Габриэллы уходит от нее просто физически, словно у нее из тела вырвали все еще продолжавший работать орган. Она опустила глаза на кофейный столик. В пепельнице лежали три белых окурка, измазанные помадой. Рядом с ней – серебряный портсигар Габриэллы с выгравированными на нем инициалами. Миссис Марч ощутила незнакомый порыв и схватила портсигар, который быстро сунула в бюстгальтер: он прижался к ее левой груди, создавая дискомфорт.

Никто этого не заметил, и она тут же отошла, у нее слегка кружилась голова от этого неблагоприятного поступка. И ведь как быстро она все сделала! Но она прилагала усилия, чтобы улыбаться – частично, чтобы избежать подозрений, но по большей части, чтобы скрыть свое собственное чувство вины из-за того, что только что совершила. К сожалению, или, может, к счастью, к ней в этот момент подошла дама, агент Джорджа.

– Как ты, дорогая? Вечеринка просто потрясающая, – выпалила Зельда на одном дыхании, а затем резко втянула в себя воздух.

Зельда очень много курила, и у нее возникали сложности при произнесении длинных фраз: казалось, что при каждой подобной попытке у нее схлопываются легкие. С каждой секундой ее голос становился все более хриплым, и миссис Марч подумала, что к концу вечера произносимые ею предложения могут превратиться в один сплошной свист.

– Спасибо, Зельда. – Взгляд миссис Марч упал на зубы Зельды, запачканные помадой красновато-коричневого цвета и пожелтевшие от десятилетий курения. – Попробуй фуа-гра, – добавила она, когда к ним приблизился официант с этой печенью, выложенной «поленом» в окружении карамелизованного лука и клубничного пюре. – Фуа-гра с небольшой фермы в

¹⁴ Крем-фреш – французский кисломолочный продукт, похожий на сметану.

окрестностях Парижа. Его прислала моя сестра. Ее муж сам делал. На этой самой ферме во время отпуска.

– Потрясающе! Деревенская еда! – воскликнула Зельда, драматично вскидывая руки вверх и глядя в потолок.

– Его же вроде производят, жестоко обращаясь с гусями? Их насильно кормят?

Миссис Марч повернула голову на этот новый голос и увидела высокого худого Эдгара, редактора Джорджа. Он держал руки за спиной и склонял голову вперед; он всегда ходил такой изогнутый, напоминая вопросительный знак.

– Конечно нет! – запротестовала Зельда, хотя, судя по выражению ее лица, она совсем так не думала. Не было на нем неверия в подобное. Когда она повернулась к миссис Марч, ее тело сотрясилось от смеха, только ее легкие не обладали достаточной силой, чтобы этот смех воспроизвести.

– Этот процесс называется *gavage*¹⁵, – пояснил Эдгар, очень раздражающе и утрированно произнося слово на французском языке, его маленький рот при этом наполнился слюной. – Этот термин означает, что животное принудительно кормят, вводя трубку в желудок.

– О-ох! – воскликнула Зельда, корча гримасу, но продолжая смеяться. Теперь ее болезненное хихиканье звучало с перерывами и напоминало собачье поскуливание.

– Именно поэтому у печени такой своеобразный вкус, – продолжал Эдгар.

Словно по сигналу или получив какой-то условный знак, снова появился официант с фуа-гра, выделявшим вязкие реки желтого жира.

Эдгар завернул манжеты, взял маленький тупой нож, лежавший рядом с фуа-гра, и отрезал себе кусочек, пока официант держал подрагивающий поднос, а потом намазал его на тост. Он неотрывно смотрел на миссис Марч, на губах играла легкая ухмылка, когда он отправил тост в рот. Она смотрела на него в ответ, сосредотачиваясь на его толстых очках с прозрачными стеклами, редких, молочного цвета растрепанных волосенках, как у маленького ребенка. У него была кожа тошнотворного белого цвета, слегка окрашенного розовым, розовые костяшки пальцев, выпуклые родинки, а нос весь в лопнувших сосудах, напоминавших паутину.

Она почувствовала отвращение, но из этого состояния ее почти сразу же выдернул громкий звук: кто-то постукивал ложечкой по бокалу. Они с Эдгаром отвернулись друг от друга, обернувшись к источнику звука. Его производил Джордж, дай бог ему здоровья. Джордж стоял в неловкой позе перед камином и благодарил всех за то, что пришли. В какой-то момент к нему присоединилась Зельда, а миссис Марч и Эдгар даже не заметили, как она отошла от них.

– Я хочу поблагодарить всех, кто здесь находится, потому что если вы здесь, то это означает, что вы имели какое-то отношение к выходу моей книги – в большей или меньшей степени, – заговорил Джордж. – Это могла быть редакторская работа, ее продвижение, может, вы просто терпели мои авторские чудачества на протяжении последних нескольких месяцев или вдохновили меня на написание моей последней книги.

Его взгляд упал на миссис Марч, у которой тут же сжались ягодицы.

Зельда перебила его и сообщила, что этой зимой вышло много художественных книг, больше обычного, но с книгой Джорджа пока не может сравниться ни одна. Это большое достижение.

– У меня преданные читатели... – снова заговорил Джордж, глядя в бокал с шампанским, ножку которого сжимал.

– Глупость, не говори глупости, не нужно излишней скромности, – снова перебила его Зельда и повернулась к гостям: – Он скромничает! – Она рассмеялась, но вместо смеха вылетел присвист с едва слышным поскрипыванием.

¹⁵ *Gavage* – принудительный откорм (*фр.*).

Миссис Марч поднесла пальцы к обожженной мочке уха, погладила большим пальцем образовавшуюся корочку, которая уже треснула. На мгновение она подумала про свиную шкуру и, не понимая, что делает, облизала большой палец.

– По правде говоря, это революционная книга, принципиально новая, и она нравится не только его поклонникам, а *всем*, так, погоди, погоди... – Она погрозила пальцем Джорджу, который уже начал протестовать. – Я должна сказать, что это самая любимая *моя* книга за последнее *десятилетие*! А я *ненавижу* читать!

Комната взорвалась смехом. Миссис Марч смотрела на слегка наклонившуюся вазу на каминной полке за спиной Зельды и забыла присоединиться к смеющимся.

– Так что давайте без долгих речей наконец поднимем бокалы за очаровательного, талантливого Джорджа! Эдгар?

Миссис Марч перевела взгляд на Эдгара, как раз когда Зельда вытянула его из толпы. Он скромно поднял руку, когда зрители радостно кричали, убеждая его выступить.

– Ну... знаете что? – спросил он, поправляя шелковый шейный платок в крапинку. – Давайте не будем поднимать тост за эту книгу, потому что – давайте будем честны с собой – книге это не требуется. Давайте поднимем тост за следующую книгу Джорджа, чтобы и она тоже прославилась.

– Верно! Все правильно!

Люди стали поворачиваться друг к другу, чтобы чокнуться, некоторые повернулись к миссис Марч. Она растянула губы в утрированной, почти маниакальной улыбке, округлила ярко блестящие глаза – и поднесла бокал с шампанским ко рту. Потеплевшая жидкость с пузырьками полилась у нее вниз по горлу, обжигая его.

Глава IX

Миссис Марч воспользовалась тем, что только что был произнесен тост и за ним последовало веселье, чтобы выскользнуть из гостиной. Она отправилась в кухню, где Марта склонялась над кухонным островком, заворачивая остатки еды в пищевую пленку. Повар уже ушел, официанты подавали дижестивы, приближалось время десерта.

Клубника лежала в дуршлаге в мойке, вымытая и готовая к подаче. Миссис Марч по одной выложила ягодки на фарфоровое блюдо, восхищаясь их свежестью, их пористой структурой. Она попросила Марту приготовить сливки и уже собралась отнести клубнику в гостиную, надеясь, что люди восхитятся ягодами до того, как они скроются под сливками.

Она уже собиралась переступить через порог кухни и выйти в коридор, как вдруг услышала четкий бесстрастный женский голос, который донесся сюда из гостиной:

– Как вы думаете, она знает? Про Джоанну?

Миссис Марч резко замерла на месте, одна нога осталась в кухне, вторая уже стояла в коридоре. Послышался смех. Миссис Марч не сомневалась, что среди смеющихся голосов она различает и бодрый хохот Джорджа, потом слышались возгласы «Тише!» и «Ш-ш-ш!», а потом хихиканье в разных местах.

По телу миссис Марч пробежала волна ужаса. У нее зазвенело в ушах, потом возникло ощущение, что их закупорили. У нее опустились руки, и вместе с ними и блюдо, которое она держала. Клубника посыпалась ярко-красным градом по всему полу, покатились во все углы и под предметы мебели (некоторые ягоды найдутся только через несколько недель).

Она так и стояла все на том же месте и моргала, пока Марта не произвела какой-то тихий звук у нее за спиной, потом появились ее толстые, покрытые пятнами руки, чтобы забрать блюдо у миссис Марч.

– О боже, я... Какой ужас! Я сейчас приведу себя в порядок, – произнесла миссис Марч странно сонным голосом, а Марта тем временем опустилась на колени, чтобы собрать ягоды с пола.

Миссис Марч, пошатываясь, прошла мимо гостиной в спальню и стала там ходить кругами перед тем, как войти в соединенную со спальней ванную комнату. Там она закрыла и заперла дверь. Она уселась на край ванны и вытащила из бюстгальтера серебряный портсигар, погладила выгравированные инициалы перед тем, как раскрыть его с легким щелчком. Достала сигарету, зажгла спичку дрожащими руками, вынув ее из коробка, который лежал в одном из ящиков в ванной. Она выкурила сигарету, потом вторую, третью, жадно втягивая зловонный воздух. Она сбрасывала пепел в ванну и оставляла окурки в сливе. Докурив третью сигарету, которая, как она сама себе пообещала, будет последней, она вдруг заметила, как по полу метнулось что-то черное. Она проследила глазами за этим внезапным движением и поняла, что по плиткам пола бежит таракан – и ее словно накрыло темным покрывалом ужаса. Миссис Марч вскрикнула и выбежала из ванной, захлопнув за собой дверь. Она плотно прикрыла рукой рот, чтобы не закричать, а второй рукой коснулась раны на мочке уха. Затем она схватила подушки с кровати и положила их на пол – чтобы тараканы не могли выбраться через зазор между дверью и полом.

Она в изнеможении опустилась на пол в спальне, прижалась спиной к кровати. Ненадолго задумалась о том, что, может, вообще не стоит возвращаться на вечеринку, но традиции диктовали определенные манеры поведения. Она должна была вернуться. Может, изобразить ужасную болезнь? Но люди начнут говорить. Они воспримут ее отсутствие как подтверждение: Джоанна списана с нее, но еще большую боль ей принесла мысль о том, что они поймут: ее это беспокоит.

– Ты слышала про миссис Марч? – Она представила, как банкир Джорджа задает этот вопрос своей жене. – Бедная женщина. Теперь целыми днями сидит, запершись в их квартире. Какой позор.

Потом она представила, как его жена (которую она никогда не встречала и которой фактически вообще могло не быть) испытывает к ней сострадание – к этой жалкой некрасивой незнакомке (банкир сразу опишет ее как женщину с совсем непримечательной внешностью), которую собственный муж презирает так сильно, что написал с нее свою жуткую героиню.

– Какую именно героиню? – спросит жена, вытирая свои нежные руки кухонным полотенцем.

У банкира на губах заиграет улыбка, и он опишет проститутку Джоанну и то, как с ней никто не хотел спать, даже ее постоянные клиенты.

– На самом деле книга очень неплохая, – скажет банкир. – Говорят, что этот хитрый ублюдок получит Пулитцеровскую премию за оскорбление собственной жены.

Они посмеются над этим немножко виновато, потом жена заметит, что ей очень жаль – жаль, что все так получилось, ведь она считала Марчей счастливой парой.

– Ну, теперь мы знаем правду.

Миссис Марч задумалась, как другие женщины вынесли бы это унижение, если бы оказались на ее месте. Определенно, Патриция, эта простушка из пекарни с вьющимися волосами и глупым тестообразным лицом, пришла бы в восторг от того, что ее муж написал с нее жалкую проститутку. Ей было бы плевать на мнение кого-то еще. Но хотела ли сама миссис Марч быть женщиной такого типа? Женщиной такого типа, который совершенно не волнует свой образ, то, как ее видит мир? Она попыталась представить, как бы все это восприняла Габриэлла. Но подобное никогда не произойдет с Габриэлкой, пришла она к выводу, и почувствовала себя несчастной. Несомненно, Габриэлку изобразили бы как привлекательную, уязвимую, но при этом стойкую и неунывающую богиню, такую, из-за которой герои мужского пола дерутся на дуэлях и умирают. Вероятнее всего, получилась бы менее глубокая героиня, менее «реалистичная» (в любом случае что там с реализмом, раз люди его так хвалят?), но гораздо более привлекательная. Конечно, проблема миссис Марч заключалась не в том, что Джоанна была непривлекательной. Проблема заключалась в том, что у людей не оставалось сомнений в том, что и она сама тоже.

Гости вообще заметили, что она ушла? Или они испытали облегчение? Она подумала, не переодеть ли это глупое платье, может, надеть что-то попроще, посексуальнее, но ведь все это заметят, будут ее судить, оценивать, решат, что ее слишком волнует чужое мнение. Миссис Марч страстно желала какой-то мести, и, хотя кража портсигара Габриэллы (который она снова убрала в бюстгальтер) несколько успокоила этот зуд, они заслуживали чего-то похуже. Она стала мечтать о том, как их отравит – мышьяком. Джордж однажды сказал ей, что в Викторианские времена яд хранился в каждом доме. Мышьяк свободно продавали всем, никаких законодательных актов по этому поводу не существовало. Он использовался в красках, которыми красили стены и платья. Она могла бы подать им еще один десерт – отравить их всех тостами с сыром и опиумом. Она представила, как они все валятся у нее в гостиной, потом наступает тишина – странное затишье после такой шумной вечеринки, а она сама переступает через тела – ошеломленная и словно в трансе.

Из этих мечтаний ее внезапно вывело осознание наступившей тишины. Вечеринка больше не шумела. А что, если гости уже ушли? Им это предложил продолжавший хихикать Джордж, потому что они расстроили его излишне чувствительную жену? Знаете же, какая она хрупкая, не может вытерпеть такое смущение, вы же читали книгу?

Миссис Марч поднялась с пола, прошла к двери в спальню и приоткрыла щелочку. Музыка, шум и смех все еще продолжались – звуки вечеринки разносились по коридору. Она сделала глубокий вдох перед тем, как выйти из спальни, а потом уже без колебаний пошла в

гостиную, хватаясь руками за стены, потому что ее словно в замедленной съемке отбрасывало от одной стены к другой. Что-то треснуло у нее под ногой. Она опустила взгляд вниз и увидела веточку падуба, несколько маленьких красных ягод покатались по полу.

Как глупо предполагать, что что-то из-за нее остановится. Вечеринка продолжалась, звенели бокалы. На проигрывателе крутилась пластинка, высокие напольные часы тикали в прихожей, а ей улыбался их луноподобный циферблат со «щеками» из красного дерева по бокам. Все оставалось точно таким же, как было, когда она уходила.

На пристенном столике на блюде лежали последние ягоды клубники, на некоторых – только по пятнышку сливок, другие в них утопали, третьи истекали красным соком. Миссис Марч осмотрела их с легкой грустью перед тем, как снова присоединиться к вечеринке. У нее было ощущение, словно она выплывает на поверхность воды, поднимаясь из глубины, и видит конечности других купающихся.

Она приблизилась к одной из увлеченно разговаривавших групп. Они произносили слова «книга», «талант» и «его поколение». Она улыбнулась и кивнула им, но они никак не отметили ее присутствие, поэтому она отвернулась с застывшей на лице улыбкой и смахнула каплю пота с виска. Именно в эту минуту она заметила Габриэлла, которая стояла рядом с Джорджем в центре комнаты. Эти двое светились, словно сами производили этот свет, и он высвечивал их, оставляя все остальное – и всех остальных – в полумраке. Габриэлла одной рукой сжимала его предплечье, а другой прикрывала рот, словно смех считался неприличным в обществе, как зевок или отрыжка. Миссис Марч наблюдала за ними и пила шампанское комнатной температуры из бокала, который нашла рядом с клубникой. Джордж широко улыбался – этой своей раздражающей улыбкой, омерзительной из-за своей фальшивой униженности, – пока к ним не приблизился какой-то его приятель и не представился Габриэлле.

Джордж пребывал в веселом настроении под влиянием алкоголя (и, несомненно, из-за всего внимания к его персоне). Он заметил миссис Марч, приблизился к ней, подхватил под локоток и повел знакомить к двум женщинам, блондинке и брюнетке. Джордж с гордостью объяснил, что они из его последней группы студентов. Он тогда довел их курс и стал заниматься только написанием книг. Миссис Марч не приглашала ни одну из этих женщин – предположительно, их пригласил сам Джордж, ничего ей не сказав, хотя оставалось непонятным, как он восстановил с ними взаимоотношения после всего этого времени.

– Профессор Марч...

– О, пожалуйста, вы больше не мои студентки. Называйте меня Джордж.

– Хорошо... Джордж, – хихикая, сказала брюнетка.

Миссис Марч смотрела на женщин без улыбки. Им не могло быть значительно больше тридцати, скорее меньше, как она догадалась, но не понимала, как так могло получиться. Когда Джордж закончил с преподаванием? Она попыталась вспомнить год.

– Вы ведь им очень гордитесь, да, миссис Марч? – спросила блондинка с томлением во взоре, словно страстно желала, чтобы ей самой когда-нибудь задали этот вопрос.

– Я думаю, что очень надоел своей жене, – заметил Джордж, улыбаясь миссис Марч. – Терпеть писателя бывает очень утомительно.

Две женщины снова захихикали, затем вздохнули, словно хихиканье лишило их сил. Тем временем в противоположном конце комнаты началась суматоха. Габриэлла искала пропавший портсигар, ей помогали волонтеры – все мужского пола, и все ползали на коленях. Они заглядывали под предметы мебели и под подушки. Миссис Марч чувствовала, как портсигар прижимается к ее груди, когда сама демонстративно стала искать его на полках.

После этого гости оставались еще совсем недолго, поскольку стены были тонкие, а соседи любили жаловаться. К тому времени, как последние гости, весело пошатываясь, вышли за дверь, Марта уже ушла со своей небольшой, напоминающей коробочку сумочкой, как и представители фирмы, обслуживавшей мероприятие, – надели и застегнули пальто поверх испач-

канной формы. Они постарались навести порядок перед уходом – настолько, насколько было возможно.

Мистер и миссис Марч молча разделись в своей спальне.

Джордж понюхал воздух, стоя рядом с ванной комнатой.

– И здесь кто-то курил? – спросил он.

Миссис Марч сглотнула, затем ущипнула себя.

– Джордж, ты писал эту женщину с меня? – спросила она, надеясь, что он решит, будто голос у нее дрожит от всего выпитого алкоголя.

– Ты о чем? – моргнул он.

– Джоанну. Ты писал ее с меня?

– Я ее ни с кого не писал, она просто... – Он стал жестикулировать, пытаясь подобрать подходящее слово, но смог предложить только разочаровывающий вариант: – *Есть*.

– Тогда почему ты смеялся, когда женщина так сказала?

Джордж нахмурился и посмотрел на нее поверх очков.

– Какая женщина?

– Та женщина! Женщина на вечеринке! Она сказала, она *намекнула*, что Джоанна списана с меня!

Похоже, Джордж задумался над ее словами.

– Ну, мне это даже не приходило в голову. Если честно, я об этом не думал, когда писал. Предполагаю, что у вас могут быть какие-то общие черты...

Миссис Марч фыркнула.

– О, правда? Какие, например? Скажи мне, Джордж. Что у меня общего с проституткой? Что во мне есть такого прекрасного?

Даже несмотря на ярость, она внимательно следила за громкостью голоса, чтобы соседи ее не услышали.

Джордж вздохнул.

– Я думаю, что ты все это воспринимаешь неправильно. Джоанна не списана ни с одной конкретной женщины, хотя я предполагаю, что она на самом деле представляет собой смесь качеств и черт многих разных женщин, с которыми я был знаком на протяжении жизни. Не сомневаюсь, что я мог бы составить список общих черт с несколькими женщинами, которые на меня повлияли. И да, ты будешь среди них. Так поступают авторы художественной литературы.

– В таком случае, сделай это.

– Что сделать?

– Сядь и составь список. Список черт.

– Ты серьезно?

– Да! – заорала она. – Я хочу знать, кто все эти женщины, которые тебя вдохновляли. Я хочу знать, как я связана с Джоанной.

– Как ты *связана*?.. Она – вымышленный литературный персонаж!

– Но тогда почему по ощущениям она существует, а я нет?

Последний вопрос прозвучал так громко, что по стандартам миссис Марч мог восприниматься как ор. Он еще эхом пронесся по теперь погруженной в тишину комнате. Она на самом деле не знала, откуда он выполз, не была уверена, какие чувства пыталась передать, но чувства были сильными, и после произнесения этих слов у нее на языке остался горький привкус.

Джордж нахмурился.

– Я не хочу в это углубляться. Я думаю, что ты... Ты устала, мы оба устали. Давай попробуем немного поспать. Мы можем поговорить об этом утром.

– Я не смогу сейчас заснуть. По крайней мере, если ты останешься здесь, – миссис Марч обхватила себя за талию.

Джордж вздохнул.

– Я лягу в кабинете. – Он взял шерстяной плед с кресла в углу. – Спокойной ночи, – сказал он и даже не взглянул на нее, когда проходил мимо и когда выходил за дверь, которая тихо за ним закрылась.

Когда он ушел, миссис Марч тупо уставилась на белую филенчатую дверь. Она заперла ее, потом медленно отступила назад, словно готовясь, что сейчас кто-то разобьет ее топором. Пошатываясь, она дошла до края кровати, расположенного ближе к окну, и лицом вниз упала на холодное белье с той стороны.

Глава X

Пара шумных голубей устроилась на карнизе перед окном миссис Марч. Они ворковали все громче и громче, один издавал особенно резкие звуки, во все большей степени напоминая женщину, которая вот-вот испытает оргазм, и это смущало. Поэтому миссис Марч почувствовала облегчение, проснувшись в одиночестве. Полосы света проникали в спальню в проемы между шторами. Миссис Марч прикрыла глаза рукой, застонала и перекатилась к другой стороне матраса, чтобы позвонить Марте на кухню – там имелся телефон. Она попросила принести ей завтрак в постель: только фруктовый салат и яйцо всмятку, пожалуйста. И аспирин.

Через несколько минут затряслась ручка двери, последовала небольшая пауза, потом в дверь постучали. Миссис Марч выскочила из кровати, отперла замок, а потом с робким и застенчивым видом пригласила Марту зайти.

– Мы обязательно должны проветрить эту комнату, – объявила Марта, ставя поднос с завтраком на кровать. – Пахнет неприятно.

Миссис Марч понюхала воздух, но не смогла распознать никаких запахов, кроме бодрящего аромата кофе, который принесла с собой Марта.

– Правда? – спросила миссис Марч. – Чем?

– Комнатой, которую давно не проветривали.

– Я себя не очень хорошо чувствую, поэтому окна откроете позже. Холодный воздух прямо сейчас совсем не пойдет мне на пользу.

– Да, конечно. Что-нибудь еще, миссис Марч?

Марта стояла и смотрела в направлении ванной комнаты, руки свисали по бокам. Миссис Марч проследила за ее взглядом и увидела в беспорядке лежавшие подушки – крепость, которую она вчера построила у низа двери в ванную.

– Нет, пока ничего, – немного резко ответила она. – Спасибо, Марта.

Миссис Марч заперла дверь за домработницей. Вероятно, те слова, которые миссис Марч добавляла к ответам («Пока ничего», «На самом деле нет», «Да, предполагаю, что так»), раздражали Марту, которая считала нерешительность слабостью и пустой тратой времени – четким показателем избалованности и плохого воспитания.

Миссис Марч посмотрела на завтрак, красиво выложенный на фарфоровой тарелке с полевыми цветами, которую она купила на рынке в окрестностях Парижа. Таблетка аспирина лежала на отдельном блюде с ручной росписью. Хотя она и не просила Марту об этом, та по собственной инициативе пожарила несколько толстых кусков жирного бекона. Миссис Марч удивила саму себя, когда принялась разрывать их руками. У нее текли слюни, пока жир стекал по ее запястьям.

Она растворила аспирин в стакане воды, помешивая его ложкой. Выпив, она услышала за спиной то ли шепот, то ли шорох, повернулась и увидела, как под дверь спальни просовывают конверт. Она предположила, что он от Джорджа. И пошла к двери на цыпочках на тот случай, если он все еще стоял с другой стороны, и мгновенно узнала эту полуматовую бумагу с бордовыми инициалами «Дж. М.» (у Джорджа не было второго имени). Она сама помогла выбрать ее тринадцать лет назад в «Демпси и Кэрролл» после того, как он впервые получил крупный аванс за книгу. С тех пор он ничего не менял.

Конверт так и лежал нетронутый на ковре, казалось, целую вечность, пока она наконец не решилась – быстро схватила его и разорвала. Внутри было приглашение, на котором было написано: «Мир? В “Тарттс” в шесть». Она скомкала его и бросила в незажженный камин.

* * *

В то утро она оставалась в спальне, читала, занималась ногтями и старалась избегать встречи с Джорджем. Заходя в ванную комнату, тут же сильно била по выключателю, чтобы застать тараканов врасплох. Осматривала пол и все пространство под раковиной, но не видела ни одного.

К обеду она устала прятаться. Ее позвала Марта – объявила, что обед подан. Миссис Марч услышала, как скрипнула дверь в кабинет Джорджа, которая находилась прямо напротив их спальни. Она прижалась к своей двери и слушала, как его шаги удаляются по коридору. Она осмотрела себя в зеркале, висевшем в ванной комнате, завела выбившиеся пряди волос за все еще не зажившее ухо, которое частично покрылось тонкой корочкой, и проследовала в столовую.

Деревянные полы были вымыты, елка и диваны вернулись на свои привычные места. Джордж уже сидел на своем обычном месте за столом и наливал себе стакан воды, когда миссис Марч вошла в раздвижные стеклянные двери. Она молча уселась на стул, глядя вниз на свои кожаные лоферы и вышитую салфетку на коленях, чтобы не встречаться глазами с мужем. Ей казалось, что периферическим зрением она видит расплывчатый образ Джорджа, который странным образом скалит зубы. Она откашлялась и протянула руку за куском оливкового хлеба, который лежал в хлебной корзине. Она стала покупать свой любимый хлеб в той же пекарне, где покупала десерты для вечеринки. Это было совсем маленькое заведение в полуподвальном помещении, втиснутое между прачечной самообслуживания и дешевым маникюрным салоном, – ничего похожего на уютную, со вкусом отделанную, просто великолепную кондитерскую Патриции. Но все равно это была совсем невысокая цена, которую пришлось заплатить за то, чтобы больше никогда в жизни не видеть Патрицию.

– Габриэлла звонила, – заговорил Джордж, так резко нарушая молчание, что миссис Марч подпрыгнула на стуле. – Она так и не нашла свой портсигар.

Миссис Марч не ответила. Она засунула серебряный портсигар в один из ящиков со своим нижним бельем, осторожно завернув его в шаль из органзы. Как безответственно со стороны Габриэллы было прыгать и резвиться с такой фамильной ценностью. Не стоило таскать ее на вечеринки и забывать на столах в чужих домах. Она это заслужила.

– Итак... – продолжал Джордж, вероятно поняв, что это отклонение от темы и оно ему ничего не даст. – Ты примешь мое приглашение на ужин?

Миссис Марч пожала плечами, намазывая масло на кусок хлеба.

– Ты не должен думать, что *обязан* меня куда-то водить...

– Ничего подобного я не думал. Я хочу сводить тебя в ресторан. Это доставит мне большое удовольствие.

– У меня сложилось впечатление, что ты это делаешь, чтобы побаловать меня, словно я твой ребенок. Чтобы я замолчала.

– Хорошо, хорошо. – Джордж поднял руки, ладонями к ней – показывая, что сдается. – А как тебе такой вариант – мы отправляемся на ужин, чтобы отпраздновать организацию великолепной вечеринки моей жены?

– Значит... мы празднуем празднование?

Она хотела, чтобы Джордж почувствовал себя дураком, но у него от этой мысли засветилось лицо.

– Празднуем празднование! – воскликнул он. – Мне это нравится. Это как раз для нас, правда?

Он поднес ее палыцы к губам и поцеловал.

Миссис Марч совсем не считала, что это «как раз для них», хотя не знала, а что было бы как раз для них. Этот вопрос не огорчил ее, не выбил из колеи, а, наоборот, заинтриговал. Кто они? Раньше они смеялись, ругались и долго не ложились спать, потому что разговаривали. Она взвизгивала, когда он целовал ей шею сзади, и с показным неудовольствием щелкала языком, когда он шлепал ее по попе во время подъема по лестнице из метро. Она это делала? Или это сцены из фильмов и книг? Она искоса посмотрела на Джорджа, который громко жевал соте с грибами. Кто он?

Глава XI

Они взяли такси до ресторана. До него можно было бы дойти и пешком, но в этот вечер все тротуары были мокрые, воздух влажный и холодный, а миссис Марч надела каблуки.

Большую часть пути они ехали молча.

– «Манки-бар» становится таким скучным, – заметил Джордж, когда такси ехало по Пятдесят четвертой улице.

– М-м-м, – произнесла она.

Они много раз устраивали романтические ужины в «Манки-баре» с яркой мультяшной росписью на стенах. Потом Джордж стал водить туда и своих друзей, и деловых партнеров. Как и всегда, он сначала им излишне восхищался, а потом, после того, как новизна ушла, этот бар ему наскучил. И таким образом они сменили кабинки, обтянутые красной кожей, и зеркальные колонны «Манки-бара» на тихие залы, оклеенные обоями в «Тарттс».

Такси остановилось у края тротуара, подняв фонтан брызг. Джордж расплатился с водителем, и к ним тут же подбежал швейцар в форме с зонтиком. Они вошли в ресторан ровно в шесть часов, и метрдотель спросил, на какую фамилию заказан столик. Это был мужчина с одутловатым лицом, зализанными волосами и вздернутым носом. Миссис Марч внимательно смотрела на его лицо – не появится ли там намек на узнавание после того, как Джордж назвал имя и фамилию, но по нему ничего нельзя было прочесть, когда он проверял фамилию по журналу, а потом проводил их к столику.

– А почему мы не в кабинке? – спросила она, когда они уселись, а метрдотель оказался вне пределов слышимости. Обычно они устраивались в маленькой кабинке, отделенной от основного зала толстыми шторами с помпонами. Там миссис Марч чувствовала себя особой королевской крови – и в безопасности.

– Ну, я же заказывал столик сегодня утром, – сказал Джордж. – Сложно было вообще получить хоть что-то.

– Но разве они не предоставили бы тебе столик получше, если бы ты сказал им, кто ты?

– Не надо, дорогая, это отличный столик. К тому же я не хотел выглядеть козлом.

– Да, наверное, ты прав, – сказала миссис Марч, не считая ничего подобного.

Она вытянула шею, чтобы оглядеть зал. Он был со вкусом оформлен и тускло освещен. За столиками сидело уже достаточно много людей, приходили новые, все были безупречно одеты и причесаны. Похоже, никто не обращал на них внимания и не узнавал Джорджа. В прошлом это вызвало бы раздражение у миссис Марч, но сегодня она испытала облегчение. Она опустила глаза на меню. «Заячья капуста, цыпленок сабайон¹⁶, кабocha¹⁷ с кабачком...» Очки Джорджа в черепаховой оправе висели у него на груди на шнуре и периодически ударялись о пуговицы рубашки. Миссис Марч посмотрела на него над меню и откашлялась, но Джордж, похоже, не обращал на нее внимания. Миссис Марч откинулась на спинку стула и снова уткнулась в совершенно непонятные названия блюд.

– Все кажется вкусным, дорогой, – сказала она. – Я не могу определиться. Закажи за меня.

– Закажу, – кивнул Джордж, но так и не поднял голову. – И хорошее вино закажу.

Подошел официант, склонился, сложив руки перед собой, словно просил прощения, и с отработанной осторожностью («Вы определились, что будете заказывать? Вам подсказать?») принял у них заказ. Когда Джордж перечислял блюда, которые просил подать, миссис Марч отвлеклась. У нее помутнело в глазах, звон посуды и гул голосов внезапно стихли. Где-то

¹⁶ Сабайон – сладкая винная подлива. «Цыпленок сабайон» – курица, приготовленная в такой подливе.

¹⁷ Кабocha – сладкая тыква малого и среднего размера с твердой темно-зеленой кожицей.

вдали официант спрашивал Джорджа, точно ли они хотят «Запеченную Аляску»¹⁸, потому что приготовление этого торта занимает невероятное количество времени. Миссис Марч словно выплыла из-под воды на поверхность и услышала утвердительный ответ Джорджа. Он с ней не посоветовался, но так было даже лучше, потому что она всегда или жалела, что не заказала десерт, или жалела, что заказала. Лучше если Джордж примет за нее решение. Миссис Марч уже много лет назад отказалась от диет, поскольку никогда не могла их выдержать. Когда рядом не было Марты, чтобы следить за ней, она обязательно потакала своим странным желаниям относительно продуктов, любовь к которым появилась у нее в раннем детстве – печенье с рисом, томатный соус в йогурте.

Она посмотрела на тарелку с кривохвостом, фирменным блюдом сегодняшнего вечера. Она и не заметила, как его принесли. Они уже съели закуску? Она не помнила, заказывал ли Джордж какую-то закуску. Кривохвост выглядел как герой мультфильма с яркими полосами на теле и ярко-желтыми глазами. Она стала возить его по тарелке, ей не хотелось есть рыбу, и она смотрела, как Джордж поглощает свою. На нее глядел рыбий глаз, зрачок окружали несколько радужных кругов. Внезапно глаз моргнул. Миссис Марч резко отодвинула стул назад, извинилась и отправилась в уборную.

Дамская комната в «Тарттс» была оформлена так, что скорее предназначалась для мужчин – дубовые панели, тусклое освещение, запах корицы и лимона. В углу стоял деревянный книжный шкаф с сетчатыми дверцами, а у самой дальней стены находилась длинная фарфоровая раковина с кранами в виде лебединых шей. У раковины стояла женщина, которая поправляла макияж, глядя в зеркало. Миссис Марч поздоровалась, но женщина словно не обратила внимания на ее присутствие. Миссис Марч вежливо постучалась в дверь кабинки, и, не услышав ответа, толкнула ее. Выбранная ею кабинка оказалась оформлена роскошнее, чем вся дамская комната, – там имелась своя раковина с позолоченными кранами, стены были обиты китайским шелком. Из громкоговорителя доносился мужской голос, читавший аудиокнигу с мягким британским акцентом. Она улавливала отдельные слова, пока раздевалась – поднимала плотно обтягивавшую юбку и спускала колготки, проявляя осторожность, чтобы их не порвать.

¹⁸ Запеченная Аляска – десерт, мороженое на бисквитной подложке, покрытое взбитыми яичными белками, зарумяненными в духовке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.